

Спираль Аделойи

1.

Алексей почесал левую руку выше локтя, хотя она не чесалась:

– Вы что-то перепутали, уважаемый Микримин... или как там тебя?

– Однако! Какой резкий переход с «Вы» на «ты»! Нет уж, извольте говорить мне «Вы». Зовут меня, повторяю, Нейри Грин. Я хотел бы купить двупузых речиглово.

Взгляд Алексея пометался, но вновь остановился на покупателе странной внешности. В магазине никого, кроме их двоих, не было. Алексей почесал нос.

– Боюсь, у нас нет, – сказал он, одергивая себя, чтобы не почесать руку еще раз, – А Вам бы я посоветовал катиться отсюда на все четыре стороны. А лучше вон в ту – там, знаете ли, на окраине, есть психлечебница.

Алексей резко и уверенно показал в сторону выхода, но это был обман. Продавец не знал, где находится психлечебница в этом чужом городе, в котором приходилось жить.

– Слушайте, хватит издеваться. Знаете, чего мне стоило вырваться из моей обители?! Выслушивать Ваши плоские шутки мне некогда – я спешу.

– Да лучше б ты и не выходил из своей, – тараторил Алексей, и неуверенно закончил, – обители.

– На «Вы»! Попрошу!

Мат крутился на языке, но не слетал. Воспитание.

Он тщательно подыскивал слова перед тем говорить.

– Хватит. Это продуктовый магазин. У меня нет этой вашей... Если это шутка, то она крайне неудачна, господин Грин.

– А когда будут, можно ли поинтересоваться? – господин в старомодном котелке, казалось, не слышал раздражения продавца.

– Боюсь, никогда. Не было, нет и не будет.

– О! – рассмеялся господин Грин, подкручивая правый ус, – нет, насчет будущего Вы, верно, ошиблись. Ладно уж, раз Вы не в курсе, то вынужден раскланяться. Я скоро зайду. Всего доброго.

Станный покупатель попрощался, приподняв шляпу, и ушел.

Эта последняя фраза, черт знает почему, прямо-таки кольнула продавца, и ему понадобилось несколько секунд, чтобы сделать глубокий вдох и прийти в себя. Так что сумасшедший господин уже плыл по улице бодрым шагом, когда Алексей выбежал из магазина, и закричал ему вслед:

– Не приходите! Не будет! Магазин вообще скоро закроют! Никогда не было! Слышите!? И НЕ БУДЕТ!

Руки Алексея одновременно с губами дрожали, он развернулся, чтобы возвратиться на свое рабочее место, и увидел сменщика Игоря, идущего по улице ему навстречу.

Алексей с благодарностью поздоровался, оделся, попрощался и отправился домой.

По-прежнему вспоминая свой диалог с самым неприятным покупателем в его двухмесячной карьере продавца, и воображая, как мог бы поставить на место наглеца, он добрался, наконец, пешком – опять лифт не работает – на шестой этаж своего дома. Нужно было попросить у соседки штопор, он подошел к ее двери, и после долгих и заведомо тщетных попыток засунуть в замочную скважину ключ от своей квартиры, дверь открылась. За нею стояла соседка, тридцати-с-лишним-летняя вдова, лицо ее выражало умеренное недовольство:

– Господи, Леша! Ты не пьян?

– Хотелось бы... Заработался. Извините. Я случайно. Я хотел взять у Вас. Э... взять.

– Что, опять соль? Соль у соседей просить нельзя. То есть, просить может и можно, а брать точно нельзя.

– Нет, Тамара Андреевна, мне бы... Дайте, пожалуйста... штопор...– говорить Алексею было тяжело, на середине фразы он забывал, как хотел ее закончить. Смущение окрасило его лицо в густо-красный цвет, и вдова устало усмехнулась:

– Все ему дай. Интеллигент, блин. И не надо Андреевны, сколько раз повторять. Тамара я, Тамара. Ладно, заходи, будет тебе штопор.

Дугин вошел. Он понимал, что симпатичен вдове, иначе давно бы послала. И сама она была весьма симпатична. По несложным подсчетам Алексея выходило, что разница в возрасте у них лет десять. Можно было бы общаться не на уровне соли и штопора. Но было как минимум два но.

Во-первых, вдова была слишком грубой. Нарочито грубой. Поэтому общаться у них не выходило.

Во-вторых, и это самое главное, что мешало их общению – у вдовы был сын.

Именно этот сын стоял сейчас за приоткрытой дверью в комнату и рассматривал гостя.

Как его звали, Алексей не знал. На вид ребенку было лет десять, хотя, конечно, он мог ошибаться.

Рыжий мальчик выглядел бы очень мило, если бы не глаза. Этими глазами сын вдовы и уставился сейчас на соседа. Что-то неприятное было в его взгляде, страшное. Случалось, идет по лестнице Дугин, а навстречу ему эти глаза-иллюминаторы, черные. Жутко становится на душе, внутри что-то дрогнет и ловишь себя на странном желании бежать со всех ног куда подальше.

Глаза за приоткрытой дверью изучали вошедшего. Алексею казалось, что мальчик заглядывает ему прямо в мозг, и ощущение это продолжалось и усиливалось с каждой секундой.

– Да, сегодня с Нейри Вы очень промахнулись. Кричали зачем-то, – сказал вдовый сын неожиданным басом, и неприятно усмехнулся.

Больше странный мальчик ничего не говорил, а в голове у Алексея поднялась настоящая буря из хаотичных завихрений, которые и мыслями-то назвать нельзя. Сначала, он просто испугался – того, что этот мальчик заговорил. Он никогда не слышал, чтобы сын Тамары говорил. Затем он удивился басу, и только потом приступил к осмыслению сказанного. Но не успел он ухватиться за суть, как, наконец, пришла сама вдова. Она быстро сунула штопор в руку Алексея Альбертовича и повернулась к сыну:

– Гервик, я же говорила тебе не выходить. Пойди... поделай... уроки, – она суетливо подтолкнула уже уходящего мальчика и закрыла дверь.

– Штопор ты можешь вернуть завтра. До свидания, – сухо бросила она Алексею, и дождавшись, пока сосед выйдет, захлопнула дверь.

Ну и имечко. Гервик. Но откуда, откуда он знал об этом... Нейри? Тоже имя будь здоров... Был, чертов сын, рядом с магазином, точно. Потеха, как же! Продавец возится с сумасшедшим.

Алексей справился с дверью и, не разуваясь, прошел на кухню, по пути сбросив курточку на диван. Первым делом он открыл вино и, не обнаружив стакан принялся пить из горла.

Достаточно быстро усталость ног прошла, нервы успокаивались, и мысли Алексея уже текли в своем обыкновенном русле.

Зачем, зачем он переехал сюда? Чем этот город лучше? Да, климат, конечно... Тут тепло. Но такой ценой платить за нервы... За жизнь... Черт бы побрал всех этих кретинив!

Он вспомнил Аню. Анюту. Почему, почему он любил ее? Они не подходят друг другу, это было понятно с самого начала. Алексей каждый раз все больше и больше убеждался в этом. Она была одной из подсознательных причин его переезда. Старался забыть о ней – получилось. По крайней мере он не думал о ней постоянно, как это было раньше.

И все же она вспоминается, когда грустно.

Мысли текли плавно, все было ясно и понятно. Он, Алексей Альбертович Дугин, сын профессора математических наук, ныне покойного; один из лучших выпускников НАИ... Да, не красный диплом, но все же... все же... И кто он теперь? Продавец.

Алексей смотрел на налившуюся кровью луну, заглядывающую в окно, и думал, что жизнь не удалась. Потом он прикончил бутылку и отправился спать.

Когда Алексей проснулся, то, еще не разлепив веки, понял, что утро будет такое же мерзкое, как и вчера. Он сделал над собой огромное усилие и открыл глаза, ничуть не удивившись своей правоте. За окном был туман, угрюмые стены дома напротив почти сливались с грязно-серым тучным низким давящим небом... Одним словом – мерзко.

В холодильнике только кефир – вчера он перенервничал, забыл взять из магазина чего-нибудь поесть. Просить у соседки яиц ему совершенно не хотелось, поэтому приходилось пить кефир и с трудом пережевывать старую затверделую корочку хлеба, вспоминая сон. Обрывочный, всплывали только какие-то маленькие кусочки. Там были все те люди, которых он любил, по школе, по институту, по клубу шахматистов. Был там даже, почему-то, его сменщик Игорь. В институте, в одной из аудиторий, шел учебный процесс, они учились, учились все вместе... Аня тоже была, давно она к нему в сны не заглядывала, и они разговаривали, легко и беззаботно...

По радио сообщили, что наступает похолодание. Врубили музыку про любовь, которая рифмовалась с «вновь», «кровь» и «слов». Затем послышался характерный шепот – за окном начался дождь.

Было уже начало одиннадцатого.

За старой совковой стиральной машинкой, которая тысячу лет не работала и стояла в коридоре, заслоняя проход, Дугин нашел свой зонт, коричневый в крапинку.

Лифт по-прежнему не работал. Этажом ниже Алексей вспомнил, что должен отдать штопор. Вернулся. Потом вспомнил, что возвращаться – плохая примета, но поздно. Когда на столе, рядом со штопором, лежит нож, и стоит пустая бутылка вина – это, кажется, тоже нехорошо, ну да черт с ним.

С соседкиным штопором в кармане Алексей, наконец, покинул квартиру. У соседки, правда, никого не оказалось.

Во дворе уже успели расплзтись мутные лужи, в них утонули давно опавшие коричневые полуразложившиеся листья. Дождь не был ливнем, не был моросью – унылый сонный осенний дождь. Здоровая дворняга из соседнего двора проходила мимо и зло гавкнула на Дугина, тот споткнулся и чуть не упал. Под порывом ветра насмешливо, побряхтывая, закачались голые мертвые деревья.

Алексей выбрал длинный путь – короткая дорога превратилась в грязь – и еще не доходя до магазина коммерческой сети «Калима», где он работает, увидел стоящую у входа милицескую машину, а за ней скорую помощь.

Из магазина выносили неподвижное тело, и Алексей с ужасом узнал Диму – утреннего сменщика.

Позади одного из людей в форме и белых халатах, с будничным выражением на своем морщинистом лице стоял управляющий и все крестился, поглядывая иногда на бездыханное тело. Он поздоровался с Дугиным, пробормотал что-то о беде, и вместе с милиционерами отправился обратно в здание. Алексей стоял и смотрел, как в скорую кладут умершего Диму, и неожиданно для себя самого заплакал. Скорая уехала, расплескивая лужи; вышли милиционеры, уехал и их автомобиль.

К Алексею приближалась очень знакомая фигура, но пока не было возможности разобрать, кто это. Легкая близорукость – лицо не разглядеть, а покупать и носить очки смысла нет...

Человек подошел, и у Дугина перехватило дыхание. Это тот самый! Это Нейри Грин! Улыбается, сукин сын!..

Когда между ними оставалось метра два, Нейри приподнял свой черный котелок:

– Добрый день! Не правда ли отличная погода? – он восторженно обозревал слякоть и сырость вокруг себя.

– Уходите, – у Алексея начал болеть живот.

– А ведь жаль Диму. Бона фидэ. Сердечный приступ... Да, да... Просто парень не смог преодолеть пропасть между мыслью и действием, пересечь этот рубеж. И это, поверьте, нелегко. Я Вам сочувствую.

– Сочувствуете?!

– Да. И у нас все должно получиться. Оревуар.

Он улыбнулся, приподнял котелок, прощаясь, и ушел.

Острая боль в животе росла. Алексей выронил зонтик, схватился за живот и упал на колени. Он хотел кричать, но судорогой свело все тело, голосовые связки уже не слушались его, получился лишь слабое полушипение-полустон.

Алексей уже видел себя со стороны – его скорчившееся тело расслабилось, руки неестественно вывернулись под животом, лицо проехало по мокрому асфальту. Из магазина вышел управляющий с будничным выражением лица, вздохнул, перекрестился:

– Беда, беда-то какая! Ай-яй-яй!

Боль и накатывающее чувство тошноты заполнили все его сознание.

Он проснулся, и его вывернуло наизнанку.

2.

Алексей выпил восемь таблеток активированного угля и сидел теперь на диване, подумывая о вреде распития спиртных напитков

Взгляд упал на часы – несколько секунд стрелка стояла на месте, затем, как будто ее кто-то заставил, пошла дальше. Шесть часов ноль минут две секунды... три секунды... пять секунд... шесть...

Алексей прислушался к себе. Он чувствовал, как волнами от сердца прибывает энергия, как с каждой секундой она течет по его артериям. Руки Дугина сделались теплыми, кончики пальцев – горячими. Энергия входит в него с каждым вдохом, как будто воздух содержит ее мегаджоулями. Сердце колотится как бешеное.

Стало очень легко. Алексей рассмеялся.

Быстро одевшись, и прихватив испорченное одеяло – выбросить, он вышел из душевой квартиры.

Утро было прохладное и воздушное. Легкий ветерок пощекотал лицо, выходя из подъезда, Алексей улыбнулся. Возле мусорных баков сонно лежала дворняга из соседнего двора, но, учуяв приближающегося Алексея, резко поднялась, потом сразу же прижалась к земле и, семеня облезлыми лапами, поспешила исчезнуть с глаз долой.

Алексей жил в этом городе почти полгода, но не знал по какой улице сейчас идет. У него не было какого-либо маршрута, какой-либо цели, он собирался идти на работу, но до двенадцати было еще далеко. Ни голода, ни жажды он не испытывал.

Прошелся по футбольному песчаному полю возле какой-то школы. Увидел турники, подошел к перекладине и подтянулся десять... двадцать!.. тридцать!.. с полсотни раз, без труда подтянулся по двадцать раз на левой и правой руке. Ничего не удивляло, но должно было бы. Он никогда раньше не подтягивался больше четырех раз.

Алексей был доволен собой, ему так и хотелось кому-то сказать «Вот видите! Я так могу! Почему вы удивляетесь? Это справедливо!», но вместо этого рассмеялся непривычно звонким залившимся смехом.

С полчаса блуждал между одинаковых коробок многоэтажек, и выбрал к проспекту – как раз к автобусной остановке. На скамейке сидел бородач в пальто, потягивал сигарету. Алексей решил, что причин беречь здоровье больше нет – получается, что можно пить на ночь вино, а на следующий день подтягиваться за один подход столько, сколько за всю предыдущую жизнь не наберется. Что здоровье вообще не имеет значения, а имеет значение лишь высшая справедливость.

Поэтому он попросил сигаретку у сонного бородача; бородач молча достал пачку сигарет, вытянул оттуда одну, и вместе со спичечным коробком вручил Алексею.

Алексей вернул спички владельцу, и, поблагодарив его, отправился дальше – ждать какой-то автобус он совершенно не собирается.

Пять минут спустя Алексей выбросил окурочек; он проходил возле здания – по всем внешним признакам музея; внимание Алексея обратил на себя барельеф кого-то выдающегося в профиль. Пойти что ли?

К небольшому сожалению Дугина, музей был закрыт. Надпись на табличке, висевшей на входной двери немного наперекосяк, гласила: «Музей изобразительных искусств им. Пискурева Эрнста Иосифовича».

Погода установилась чудесная. Объявилось солнце, которое последние недели не показывалось из-за серого облачного неба. Алексей решил забраться на дерево, и на глаза попался высокий тополь.

Раскачиваясь на верхушке тополя, Алексей кричал, не понимая смысла слов, обращаясь к солнцу, небу, городу и домам.

Скоро проснулся аппетит, и Алексей спустился на асфальт. Он был весь мокрый от пота.

В двенадцать он подошел к магазину. «ОБЕДНЕННЫЙ ПЕРЕРЫВ» – как всегда объявлял напечатанный с опечаткой листик.

Дима, как ни в чем ни бывало, стоял за прилавком. Алексей пожал ему руку, тот, обратив внимание на состояние своего коллеги, участливо спросил:

– Случилось что?

– Да нет... ничего... Знаешь, мне снилось, что ты... ну... умер в общем. От сердечного приступа, – закончив фразу, Алексей больше не улыбался, и настроение сразу сломалось.

– Да ты что? – сказал он, распуская свои длинные русые волосы.

– Угу. А потом Нейри Грин, – проговаривая каждый слог имени странного посетителя четко и раздельно, Алексей внимательно наблюдал за реакцией Димы. Тот резко бросил взгляд на Дугина, испуганно, как показалось Алексею, но ничего не сказал. Сын профессора продолжал, – Нейри Грин сказал, что ты не смог преодолеть пропасть. Между мыслью и действием.

– Чего только не присниться, Леш, – он пожал плечами. – Как видишь, я жив.

Алексей пристально посмотрел на своего сутулого знакомого, но тот, как будто ничего этого не замечая, выполнял обычные манипуляции с кассовым аппаратом, который не замедлил выдать выручку за прошедшие сутки.

– Ну, идем обедать, – слишком жизнерадостно, натужно, как показалось Алексею, призвал утренний сменщик, прихватив из витринного холодильника пачку пельменей.

Последняя капля эйфории высохла, и главное, что хотел Алексей – узнать, что происходит. Все, что творилось утром казалось теперь бредом, галлюцинацией. Воспоминание о дереве Алексей определил как часть сна. Стало чуть спокойней, Дугин начал с простого и обыденного:

– Дима, я тебя никогда не спрашивал – ты чего вообще не учишься? Ты ж студенческого возраста? И не дурак. Ты два последних класса заканчивал? – спросил Алексей, ставя на плиту кастрюлю.

– Заканчивал. Я мог бы учиться, я не против учебы, понимаешь, но жить... – тут он запнулся, поправил свои длинные волосы, и продолжил, – жить как-то надо. На одну стипендию не проживешь. Я еще учился кое-как два курса, а потом...

– И ты решил податься в продавцы? – хмыкнул Алексей.

– О, я работал много где и всё было крайне неудачно. Перед этой работой я был трудоустроен в сфере ЖКХ, сам понимаешь, комментарии излишни. Тут еще и поправка к закону о трудоустройстве.... – Дима вздохнул, – и мать у меня умерла...

Ели молча. Алексей быстро справился с обедом, и смотрел, как Дима вяло ковыряет ложкой свою порцию. Он то рассматривал пельмени, то Алексея, то взгляд его становился пустым.

Алексею стало неудобно:

– Дим, послушай, это, конечно, звучит как дешевое утешение, но... Твоя мать теперь в лучшем мире, а ты должен жить дальше. Не впадать ни в коем случае в депрессию.

Сирота оторвал взгляд от стены, и рассеянно посмотрел на Алексея, убрал падающие на глаза волосы и погасшим голосом проговорил без интонации как будто заученную фразу:

– Мир не хороший и не плохой на самом деле. Он такой, каким мы его представляем себе. Меня представление о нем, мы меняем мир...

Повисла тишина.

Дима отодвинул свою тарелку, и опустил свое лицо в ладони. Алексею показалось, что он плачет, и быстро стал придумывать ободряющие слова. Дима вздохнул, провел ладонями по волосам и перебил дневного сменщика, открывшего уже было рот для успокаивающих слов:

– Молчи. Слушай. Ты прав, смерть не конец, и моя мать сейчас в другом мире. В бесконечности следующих миров одновременно. Или последовательно. Нет, мне не нужны твои утешения. Проблема в другом, как ты не поймешь. Моя смерть неизбежна, как, впрочем, и смерть любого человека. Мы смертны. И знаешь почему? – спросил он и, не дожидаясь реакции Алексея, ответил, – потому что те, у кого уже есть бессмертие, не допустят, чтобы оно досталось кому-нибудь другому. Это, видишь ли, нарушит баланс. По их словам.

Нет, смерть меня не страшит – по тем же соображениям, которые ты хотел мне рассказывать, спасая меня от уныния. Смерть как факт не страшна, все мы рождаемся, и вскоре узнаем, что когда-нибудь умрем. Неизбежность неприятна. Страшит неизвестность – что же там, после смерти? Но поверь, я и этой неизвестности не боюсь. Я вообще уже ничего не боюсь, я без пяти минут мертвец. Мертвое холодное тело. Печаль моя вызвана осознанием бессмысленности этой большой вечной игры.

Мне очень жаль, что я никак не смогу тебе помочь. Мы в похожих условиях. Мы втянуты сюда, в этот уродский магазинчик, с самого нашего рождения. Где нужно продавать свою жизнь за средства к существованию. То есть, - тут он недобро рассмеялся, - за еду. . До рождения наших родителей и родителей наших родителей эта беспощадная лавка уже открылась. Тяжело объяснить... Разрушение и средство для разрушения заложены внутри нас, и пока это так, мы будем работать на эту кассу. Некоторым кажется, что всё хорошо, и уж тем более для адептов системы. Но наступает время, и нас неизбежно касаются тяжелые утраты, боль, и мы желаем уничтожить мир. Это означает только то, что ты, как оказывается, влез в кредит и ты сам будешь выбивать выплату из себя. То есть ты сам себе коллектор.

Сеть магазинов названа «Калима» неслучайно. Кали Ма – индийская богиня разрушения, чумы, смерти... Без разрушения жизнь невозможна, но до чего противно... Ты привязан к этому магазину, и я уже понял, ты получил в распоряжение силу. Что бы ты ни делал, чего бы ни желал, она будет служить только разрушению. А если не будешь — просто умрешь. Думаю, ты скоро увидишь этот трюк в моем исполнении.

Нейри Грин – он ничего, не бойся его. По крайней мере с юмором. Его шуточки меня шокировали поначалу, но затем я... ах ты ж... ать...

Дима сжал зубы и схватился за сердце. Он упал со стула, вздохнул со стоном, посмотрел отчаянно, со страхом Алексею в глаза, зажмурился, дернулся всем телом и застыл.

Эмоции внутри Алексея заглушало ватное безразличие. Никакой жалости, никакого ужаса, только непривычное ощущение в животе, требующее каких-то действий.

После звонка в милицию и управляющему оставалось ждать, он вышел из подсобки, встал за прилавком и задумался.

Утренний сменщик говорил, как познавший жизнь старик. Правда, сумасшедший.

Дима говорил, что он, Алексей, привязан к этому магазину. Но это же глупо. Если захочет, уйдет, куда пожелает. Переедет в столицу, станет... боксером, например, столько силы, пятьдесят, нет, девяносто подтягиваний все-таки... Он силен и свободен!

Так думал он, чувствуя, что есть какой-то подвох.

В дверь постучали. Это был Нейри Грин.

Грин открыл запертую изнутри на замок дверь, и, снимая котелок, вошел.

– Бонжур, мсье. Не правда ли хороша погода?

Алексей кивнул.

– Ну так пойдемте прогуляемся и насладимся ею.

Дугин молча прошел мимо Грина, и резко остановился возле выхода:

– А как же милиция?

– А, не волнуйтесь, голубчик, все схвачено. Как говорится, ин оптима форма. Вас не тронет ни милиция, ни армия, ни КГБ с ЦРУ вместе взятые. Идемте, идемте, что ж Вы стоите?

Алексей сделал маленький шажок, носок его левой кроссовки едва пересек линию входной двери, и тотчас желудок пронзила сумасшедшая боль. Дугин вскрикнул и отошел на шаг назад, с испугом воззрился на Нейри.

Грин, хлопая котелком об руку, понимающе и, как показалось Алексею, разочарованно сказал:

– Жаль, я возлагал на Вас большие надежды. Как и на каждого из Вас, – он подошел вплотную, и Алексей почти физически ощутил давление карих, почти черных, глаз. И все же взгляд этот ему удалось выдержать, – Видите ли, сейчас Ваша смена, и Вы не можете покинуть магазин. Но ничего, – он взял Алексея под руку, – сегодня я Вам помогу, и мы сбежим!

Он хихикнул, и «беглецы» покинули помещение магазина сети «Калима».

Нейри выпустил локоть Алексея. Легкая дрожь пробежала от кончиков пальцев по всему телу, но боли не последовало.

Погода не ухудшалась, напротив, стала еще лучше.

По улице шла красивая брюнетка, не шла – порхала, словно бабочка, не обращая и малейшего внимания на прохожих, не обращая внимания на Алексея и его странного знакомого.

Нейри прочистил горло и низким грубоватым голосом, какого Дугин от него никак не ожидал, обратился к девушке:

– М-м-м... Милашка! Какие у тебя планы на вечер, детка?

Девушка явно не привыкла к такому хамству, даже остановилась на пару секунд, но потом оправилась:

– Отвали, придурок.

Грин посмеялся низким утробным смехом, и уже своим обычным голосом обратился к Алексею:

– Еще не знает, что эту ночь проведет со мной, – он продолжал глядеть вслед девушке, теребя между большим и указательным пальцами кончик правого уха.

Такое обращение к девушкам у Алексея всегда вызывало протест, и, интуитивно догадываясь, что господин в котелке скорее всего исполнит свое предсказание, он не столь твердо, как намеревался, произнес:

– Послушайте, Вы же делаете это против ее воли. А... Дима хорошо отзывался о Вас, – Дугин не нашел другой аргументации.

– Как это против ее воли? Да Вы что?! Если бы я делал это против ее воли, я предпочел бы заниматься любовью со свиньей. А так – нет. Все происходит спонтэ-суэ, синэ легэ. И не забивайте голову, мой дорогой разрушитель, эта барышня все равно скоро умрет. Раньше, чем у нее родится от меня ребенок, ее съест рак.

Девушка скрылась за поворотом, и Грин повернулся к Дугину:

– Но что же мы стоим? Вперед, в путь!

С этими словами он достал из кармана непонятно как уместившийся там клубок черных ниток и бросил его перед собой. Клубок покатился по дороге, а Грин, держащий нить, пошел следом.

3

– Куда мы идем? – спросил Алексей, когда надоело идти молча.

– За клубком, – мгновенно ответил Грин, хихикнув.

– Что тут смешного? – хихиканье раздражало Дугина.

– Невозможно объяснить юмор. Вам не станет смешно, если я объясню. Поэтому не стану этого делать. Скажу только, что клубок не ведет нас.

С этими словами он, не останавливаясь, нагнулся и поднял клубок, с извиняющейся улыбкой поглядев на Алексея.

– Куда мы идем? – выдавил снова Алексей, готовый остановиться при любой насмешке.

– Почти пришли, – совершенно серьезно сказал Нейри и показал на остановку возле автовокзала.

– Кого мы там встретим?

– Вы – меня, я – Вас.

Что бы там не говорил уже двадцать минут покойный Дима, а с юмором у Грина было не ахти.

Скамейки на остановке почти полностью заняли приезжие из других городов и местные, но место для двоих человек осталось. Нейри сел рядом с добродушно улыбающимся толстяком. Дугин сел рядом с Грином, на край скамьи.

– Вы умеете вязать? – задал странный вопрос Нейри.

– Нет, – после небольшой паузы неуверенности выдал Дугин.

– Пришло время учиться.

Он всучил Алексею черный клубок и секунду спустя торжественно преподнес спицы.

Алексей в свою очередь принял врученные ему вещи и тупо смотрел на них. В голове отчетливо всплыло: «Бойся данайцев, дары приносящих».

– Вяжите, монами, просто вяжите.

– Я не умею.

Грин забрал клубок, нитки и занялся набором петель.

– Следите за моими движениями. – Грин начал вязать, – тут ничего сложного, просто уловите суть. Руки за Вас все сделают. Вы поняли принцип? Петли можно поддевать еще так, здесь не забывайте придерживать.

Алексей ничего не понял, но возражать не стал. Ему сделалось интересно, что будет делать этот наглый усач в котелке, когда руки откажутся делать что-либо сами по себе. Лишь для того, чтобы сделать видимость усердия, Дугин, про себя злорадно улыбаясь, принялся совершать спицами аналогичные движения.

Но бесформенного запутанного комка не получалось. Петля цеплялась за петлю, и Алексей в молчаливом потрясении наблюдал, как вслед за первым растет второй ряд. И хотя он был неровный – Дугин специально старался раз-другой перебросить петлю через следующие две-три, чтобы всё было не так, как говорил Грин, было совершенно очевидно, что в этой борьбе он терпит фиаско.

Между тем, Нейри Грин достал откуда-то небольшую книжку и перелистывал тонкие страницы, мусоля правый ус и иногда кивая самому себе.

Алексея задело полное к нему равнодушие, и со злостью он начал третий ряд.

– Красное на алом, – бросил Нейри и замолк.

Алексей презрительно покосился на своего соседа, но желания задавать вопросы больше не было.

Вязка способствовала спокойствию, и уже на седьмом ряде Алексей без раздражения и других негативных эмоций заметил, что полотно сузилось, а неровности рядов начинают

образовывать странные подобию узоров, линии пропусков в двух местах завершались логичными завитками, и одновременно с Грином они вдруг рассмеялись нездоровым смехом.

– Почему мы смеялись? – вволю насмеявшись, обратился к Нейри Дугин.

– Вы вновь задаете этот сакраментальный вопрос. Мы испытали микроозарение. Продолжайте, пожалуйста.

Люди уходили и приходили, освобождая и, соответственно, занимая места на скамейках, а ощущение участия в долгой удивительной истории, которое часто появлялось в детстве после прочтения первых глав художественной книги, крепчало, перерастая в течение мыслей. Вернее, вопросов.

– Алексей Альбертович, я хочу дать Вам почитать эту книгу. В ней Вы найдете ответы на многие вопросы. Первую, четвертую и седьмую часть почитаете когда-нибудь потом, на досуге, сейчас время теснит Вас к действиям. Двенадцатая часть – откровенно говоря, полная чушь. Остальное будет Вам, вне сомнений, полезно, но именно практические рекомендации, которые следует Вам пройти, находятся во второй части.

Он посмотрел на уже довольно приличное вязание, которое вновь начало расширяться:

– Что ж, пожалуй, довольно, – Грин снял нитки со спиц и растянул в руках, – это фрагмент узора судеб людей, завязанных на Вас. Проще говоря, люди, которые побывали на этой остановке в то время, когда Вы вязали, так или иначе, теперь связаны с Вами.

Он сделал паузу. У Алексея не нашлось адекватных слов.

– Удивительные рисунки, не правда ли? Тяжело что-либо понять, но я попытаюсь как можно более наглядно. Возьмите любую петлю, потяните... Эксэлэнт.

К Алексею подошел коренастый мужичок с вежливым лицом, немного помялся рядом, подбирая слова, и неуверенно обратился:

– А где же моя сумка? Вы же обещали ее посторожить, пока я отойду.

– Вы ошиблись, – ответил Дугин, и снова повернулся к Грину, – и что дальше?

– Как же? Но Вы же... – не унимался коренастый.

– Мне никто никаких сумок не давал, – ответил Алексей, стараясь быть убедительным. Он развел руками и даже приподнял ноги, чтобы было видно, что никаких сумок у него нет.

– А я, кажется, видел, как Вы давали сумку... Да-да, определенно видел, – вступил в разговор Нейри высоким медленным голосом.

– Вот видите, товарищ видел! – голос мужичка стал сразу уверенным и вызывающим.

Чувство предательства заставило Алексея скривить губы, и мгновенно превратилось в негодование и злость. Злые мысли открывали ложь и искали правду, как это бывает во время разочарований.

Грин мошенник и гипнотизер. Этот коренастый – его сообщник. А Грин вовсе не Грин, и не Нейри, это глупая выдумка. А он, всегда уверенный, что не позволит себя водить за нос, повелся на такой элементарный, как говорится, развод.

Дугин встал со скамейки и собрался было уйти, но мужичок грубо остановил его, схватив за плечо:

– Далеко собрался?

– В милицию звонить.

– Правильно. Идемте звонить. Вы тоже, товарищ, идемте с нами, будете как свидетель, – обратился к усатому «товарищу» взволнованный мужчина.

– Извольте, – с готовностью ответил Грин все тем же высоким ленивым голосом, сразу встал и направился к зданию автовокзала.

Все трое подошли к телефонному аппарату.

Алексей набрал 02.

В трубке послышался гудок, потом треск и шипение. Пришлось нажать рычаг сброса и набрать снова. На этот раз трубку взяли, и не успел Алексей что-либо произнести, как на другом конце провода кто-то крикнул:

– Алло! Милиция!?! – в голосе явственно различалось старческое дребезжание.

– М... да?... – только и смог ответить Алексей.

– Нас обворовали! Всё! Деньги, украшения, ордена!.. Только приехали из деревни – и тут такое несчастье! Быстрее приезжайте! Снимите эти... отпечатки пальцев, пока мы ничего не трогали! Я проживаю...

Алексей бросил трубку.

– Посторожите его, пожалуйста, чтобы он не убежал, – обратился коренастый к Грину, – я сам позвоню.

Алексея бросило в жар, он был готов начистить лица как первому, так и второму мошеннику, в особенности тому, что был с усами и в котелке. Трезвым усилием воли он сдерживал себя, понимая, что если милиция приедет, то особо разбираться не будет, и виноватым будет инициатор драки.

Одновременно Алексея удивил тот факт, что страх быть побитым, возникающий в подобных случаях, не подавлял ярость. Страх просто не было.

– Дружище, куда ты подевался? Я везде искал! Было же сказано, не больше десяти минут...

Возле мужичка остановился парень, в такой же курточке, что и Алексей; с таким же высоким лбом, такого же роста.

С чемоданом в руке.

Коренастый выругался на себя, забрал у парня чемодан, попросил прощения, поблагодарил, и напористо стал извиняться перед Алексеем, чередуя это с ругательствами в свой адрес.

– Я чувствую себя виноватым... Идемте, выпьем пива, я угощу... Давайте, как Вас зовут?

– Я не люблю пиво.

– Ну, хотите, я вином угощу.

Алексей задумался, но подал голос Грин:

– К сожалению, насколько я знаю, Алексей Альбертович очень занят. Идемте, монами.

Они вдвоем вышли из здания и пошли в сторону дома Алексея.

– Теперь Вы в состоянии прикинуть, что Вы можете и что умеете, – сказал Грин обычным голосом, – достаточно было потянуть за одну петельку, и вы коренным образом изменили судьбы четверем людям. Это сразу. Незначительно видоизменяется судьбы остальных, тем слабее, чем дальше они расположены от ячейки, которой манипулируют.

Грин достал из кармана вязание и отдал его Алексею:

– Вы создали за короткое время очень увлекательный мирок человеческих взаимосвязей. В его рамках до конца жизни мог бы существовать *обычный человек*.

– Что это значит?

– То, что Вы, Алексей, не обычный человек.

Грин замолчал, ожидая вопросов.

– Кто же я? – нехотя спросил Алексей.

– Разрушитель. Маг, который попал в плохую паутину. Когда обычный человек попадает в плохие руки, он просто становится плохим человеком, и у него нет выбора. А маг, маг становится разрушителем, но способен освободиться от чужого влияния. Правда, это гораздо сложнее, чем было бы простому человеку...

Он посмеялся.

– Как бы было легко отвязаться, если бы Вы создали такой мирок раньше, будучи магом, а не разрушителем. А так – Ваше вязание плохо скажется на его судьбах. Как Вы смотрите на то, чтобы освободить этих людей от разрушения?

– Положительно! Как еще можно на это смотреть? Как это сделать?

Они остановились. Нейри достал зажигалку и подпалил вязание. Пока оно горело, Грин продолжал:

– Держите, не отпускайте, огонь Вам ничего не сделает... Занятно, что разрушение разрушает разрушение. Ну вот и всё. Важно помнить следующее: клубок не вел нас. И вязание само по себе ничего не значит. Это всего лишь внешние действия, – он достал из-за пазухи

книгу, – в этой книге обилие описаний подобных действий, они помогут Вам. Ложитесь спать пораньше. До завтра.

Он вручил книгу Алексею, приподнял котелок в честь прощания и ушел в переулок.

Соседки по-прежнему не было.

Алексей вошел в свою квартиру, бросил книгу на диван – читать ее не было никакого желания – и вышел на лоджию. С шестого этажа город был как на ладони, в закатном сиянии казавшийся потусторонним. Откуда-то в городе подымался столб дыма – видимо, пожар.

Он достал из кармана купленные по дороге пачку сигарет и спички. Закурил.

Отчетливо вспомнилась Аня, ее взгляд, ее улыбка...

Опять грусть.

Он докурив сигарету, потушил ее кончиками среднего и большого пальцев, напрягся, ожидая боль, но была только усталость.

Когда он дошел до кровати, ничего, кроме сна не хотелось. Как был – в одежде – он лег и тотчас заснул.

Сессия подходила к концу. Леша напряженно штудировал физику и одновременно высшую математику, поскольку как всегда не рассчитал время, чувство времени у него было плохим; составлять расписание для самостоятельных занятий подготовки к экзаменам ему даже не приходило в голову. Экзамен по физике будет уже завтра, а он не прошел и половины вопросов.

Леша сидел в институтской библиотеке и напряженно сверял конспект и книгу – что-то не сходится. Несколько людей из его группы подошли к столу, уселись рядом. Он оторвал свой взгляд от тетрадей и книг, вынужденно обрывая вникание в логическую последовательность доказательств и подробного объяснения физического процесса, суть которого никак не улавливалась. Рядом с Лешей сели Лена, Аня, Петя и двоюродные братья Олег и Антон, похожие друг на друга, как родные:

– Вы понимаете вот это? Это же глупо! Эти треугольники не подобные, как на них не посмотришь, – возмутился Леша.

– З-забей на с-смысл. П-просто выучи, – значительно посоветовал Петя, поправляя очки.

– Но я не умею зубрить. Мне проще и быстрее понять.

– Пропусти этот параграф – просто сказала Лена.

Леша посмотрел на Лену, которая пожала плечами, отвечая на его тяжелый взгляд. Каких-то слов возразить Леша не нашел, и последовал совету.

– Я думаю, лучше ничего не учить за день до экзамена. Все равно ничего толкового в голову не влезет. Только расстроишь и запутаешь себя в конец – вот и все, – высказал свою позицию Олег.

– Ну, Олег, – посмеялся его брат Антон, – что ему, не учить вообще? Дугин только вчера вспомнил, что у нас экзамен.

– Правда? – удивилась Лена, которая прилежно учила конспекты за месяц до экзаменов. – Ну, тогда тебе не помешает положить конспект или книжку на ночь под подушку. Помогает.

– А по-моему, все эти приметы – глупости. Что может измениться в мозгу от того, что ты положишь скрепленную пачку бумаги с нанесенными на ней символами под названием буквы? – подала голос Аня.

– Я тоже думаю – это глупость, – сказал тут же Леша, но после своей фразы ощутил неожиданное сомнение. Всегда прагматичный, он считал всю эту магию и мистику, равно как и религию, проявлением невежества людей. Философия на первом и втором курсе, однако, слегка ослабили твердую позицию, поскольку изменилось и расширилось его представление о мире; но все же его самого удивляло, что он, приверженец диалектического материализма, может ощущать сомнение по поводу справедливого высказывания Ани.

Они с Аней встретились взглядами, но время поджимало, и Леша вновь сосредоточился на теории, перевернув страницу, исписанную его мелким почерком. Слишком много информации –

не смотря на все старания лектора, составляющего эти параграфы максимально просто, Леша не мог удержать ее в голове, ему постоянно вспоминался пропущенный параграф с неправильным доказательством. Начала болеть голова. Сначала он не обращал на это внимания, но боль росла. Леша откинул голову назад, хрустнув позвонками шеи – обычно после этого головная боль проходила, но нет - осталась. Начал массировать виски. Оказалось, болят кровеносные сосуды не только где-то внутри, но и у поверхности, как будто под самой кожей. Казалось, он массировал синяки.

– Черт. Голова, – пожаловался Леша.

– Не поминай лишний раз черта, и все будет в порядке, – сразу сказала Лена.

– У меня таблетка есть. Дать? – предложила Аня.

– Да, пожалуйста... Спасибо.

Он взял пластинку с таблетками и пошел в столовую купить воды, чтобы запить. Когда он подходил к столовой, навстречу ему вышел мужчина в коричневой куртке. Это был блондин с суровым, жестким лицом, на лице красовался небольшой шрам от пореза.

Боль росла; болела уже не только голова, страшно ныли мышцы между лопатками. Боль пульсировала. Алексей уже узнал в человеке, преградившему ему путь, Игоря, своего сменщика:

– Тебе незачем это, Леша. Дай сюда, – он не церемонясь особо, вытянул пластинку с таблетками из правой руки Алексея, который тщетно пытался сопротивляться.

Что происходит?!

Когда Алексей моргал, боль отдавалась быстрой волной по его телу, и мысли ускользали.

Он уже видел себя со стороны. В голове словно бы лопнула некая перемычка – стало жарко, как будто в череп залили кипяток. Из носа, а затем и из ушей и глаз потекла кровь – Алексей закричал, но скоро прекратил. Крик причинял ему еще большие страдания.

Игорь взял за плечи Алексея и тряхнул его тело – мучительная горячая боль заполнила все его сознание, и тогда он проснулся.

4.

Голова раскалывалась. Из носа правда шла кровь, но уши и глаза были в порядке. Такой мигрени Алексей не помнил с самого института, и никакого анальгина в доме не было. Как и вина.

Просить таблетки у соседки в шесть утра не представлялось нормальным, и он пошел на кухню выпить кефиру. Кефир, несмотря на все надежды, возложенные на него Алексеем, не помог.

Голова болела страшно. Болело и то место между лопатками. Дугин встал, случайно задел бутылку из-под вина, та, пошатнувшись, гулко упала, прокатилась по столу и разбилась об пол.

Алексей вышел на лоджию и распахнул окно. Не отдавая себе отчета в том, что делает, он взялся двумя руками за раму высоко, насколько мог, и резко подтянулся. Ноги оказались на нижней части рамы.

Остались только невыносимая боль и нестерпимое желание избавиться, улететь от нее, и лишь за миг до решающего шага боль резко исчезла.

Желание ушло не сразу. Алексей рассматривал утренний город, вдыхая в себя почему-то горячий воздух, затем спрыгнул вовнутрь. Он чувствовал себя богом – ему казалось, если он опустит палец в стакан холодной воды, то через секунду она должна выкипеть и испариться.

В один резкий прыжок он миновал гостиную, задев при этом пыльную люстру. Крепление оторвалось, и люстра, пролетев два с половиной метра, громко, с дребезгом, встретила пол.

У Алексея это вызвало залиvistый смех, который отдавался эхом в гостиной еще пару секунд после того, как он покинул квартиру, хлопнув дверью и не заботясь о том, что квартиру необходимо запереть на ключ.

Он вышел на улицу, быстро пробежал в соседний двор, нашел дворнягу, которая, почуяв Алексея, постаралась незаметно улизнуть. Но он понесся к ней, как дикий зверь. Она, сразу

ощутив это своим собачьим чутьем, подпрыгнула на месте и, загребая рыхлую землю под собой, стартовала со скоростью, которая внушила бы уважение любой породистой собаке. Алексей каким-то способом рычал, рык этот был страшнее львиного, сам он уже понимал, что хочет смерти собаки, а не ее испуга.

К счастью для собаки, недалеко в здании оказались не замурованные отверстия в подвал, куда та, не веря еще в свое спасенье, успела нырнуть. Алексей, злой на собаку, но развеселенный всем этим действием, чтобы не останавливаться, пробежал по вертикальной стене метра три, изящно отпрыгнул от нее и приземлился на землю.

Контуры зданий, деревьев, столбов стали настолько четкие, что Алексей невольно огляделся – небо в черных тучах, но стена бетонного дома рядом как будто освещена, и окна, кажется, отражают свет.

Алексей пожал плечами, будто ему кто-то поставил вопрос, а он не знает, как на него ответить, и направился в сторону, обратную той, что он избрал вчера утром.

Начинал накрапывать дождь, поднялся ветер. Разрушитель не обращал на это внимания.

Он переходил улицу Правды. Из-за поворота появился черный автомобиль с тонированными стеклами. Как бы не замечая до последнего момента Алексея, пересекающего дорогу по пешеходному переходу, автомобиль, с шумом проскользив по мокрому асфальту, остановился в двух сантиметрах от утреннего пешехода, который даже не дрогнул, не пытался отпрыгнуть и так и остался стоять.

Из автомобиля вылезли двое в черном. Один из них спешно подошел к Алексею:

– Ты че, делаешь, Алеша?! Я, блядь, тебя...

Парень еще много чего хотел сказать, но возможности продолжить свою пламенную речь ему не представилось. Он получил удар в грудь, хрустнули ребра, и уже мертвый, задев капот машины, он упал на дорогу.

Алексей вытер руку платком и бросил его под ноги оставшемуся бритоголовому парню в черном, который, словно проглотив язык, издавал нечленораздельные звуки, затравленными глазами наблюдая, как из спины его мертвого сотоварища струйкой сочится алая артериальная кровь. Разрушитель с трудом удержал себя от второго убийства и продолжил идти.

Ближе к девяти начался настоящий ураган. Деревья качались под сильным ветром из стороны в сторону так, что можно было опасаться, что всякое из них в любой момент может треснуть и свалиться на прохожего. Прохожих, однако, нигде не было. Только Алексей Альбертович Дугин, успевший понять, что ничего особо веселого в прогулке по такой погоде нет, возвращался домой.

Насквозь промокший, не ощущая, однако, никаких неудобств, он вошел в свою квартиру.

– Сальвэ, Алексей Альбертович, – послышался знакомый голос из гостиной.

– Здравствуйте, – ответил Алексей, не слишком удивляясь. – К Вашему сведению, это моя квартира, и я в ней живу. Вы, ворвавшись в мой дом без спроса, показали и доказали, что Вы невежливый!.. – громко сказал, подражая манере Грина, Алексей, вошедши в гостиную.

– Вы не заперли дверь, и кто угодно мог войти сюда беспрепятственно. Уж лучше я, чем кто-нибудь.

– Это еще почему?

– Не нужно лукавить, мой дорогой разрушитель. Вы доверяете мне. Об этом говорит цветовая гамма. Она ясно просматривается в сложной структуре, созданной Вашими мыслями, или, вернее, уже автомыслеформами. Объемными мыслями. Хоть Вы и делаете это неосознанно, ибо Вам дана эта способность, но вы не умеете ею пользоваться.

– Мысли не то, чтобы объемные, то точно спутанные.

– Если бы Вы, монами, трудились и работали над собой упорно и долго, хотя бы читали вот эту книжечку, Вы бы знали это. Впрочем, я не виню Вас, конечно, – он подкинул котелок в воздухе, тот повисел немного под потолком и упал обратно ему в руки. – Маг зрит свою мыслеформу для себя, чтобы быть быстрее интеллектуально – это, поверьте, очень важно для мага.

– Но я же не маг. Я разрушитель.

– Да, это так, – проговорил Нейри, – но я хотел бы, чтобы Вы стали магом. Впрочем, выбор, конечно, за Вами. Вы уже разрушаете. Если Вам это нравится, извольте, забудьте, все что я Вам говорил. Разрушайте и разрушайтесь сколько хотите. Вернее, сколько Вам положено. Я восстановил Вам люстру, но Вы можете разбить ее еще раз.

Алексей помолчал секунды, глядя на целую и невредимую люстру – такая же, как и была, только чистая; но когда боковым зрением увидел, что Нейри встал и, прихватив с собой книгу, собирается уходить, Дугин встрепенулся:

– Нет-нет, стойте. Я не хочу разрушать.

– Подумайте еще раз и скажите.

– Я не хочу разрушать, – повторил он после паузы.

– Гуд, – сказал Грин и присел обратно на диван, – овладев искусством магии, Вы сможете избавиться от необходимости разрушать, и будете свободны.

– Других путей нет?

– Есть, и я уверен не один. Но те, которые я не знаю, я не могу Вам предложить, а тот, что знаю, я Вам не предложу, ибо лучше оставаться разрушителем, чем просить помощи у *него*. Кстати, в этой книге не все правда – он назван другим именем, и описывается таким себе добрячком... Ин натура, у него другое имя, длинное, минут пять нужно, чтобы произнести. Однако все упражнения, описанные здесь, действительны и работают, если прикладывать волю, настойчивость и другие душевные силы, которые как раз душист в Вас после сна дарованная Вам способность разрушать.

– Дарованная? Тоже мне, подарочек.

– Да, это дар. Просто он разрушит Вас так или иначе, если Вы не предпримите что-нибудь, и чем раньше, тем лучше. Я предлагаю Вам учиться магии, и самое главное, как я уже говорил, в шестой главе. Предполагаю также, что можно спастись каким-то образом, овладев искусством связывать необходимые мыслеформы с музыкой, но музыке учатся годами, у нас нет такого времени, это проблематично и маловероятно. Есть еще сны. Но боюсь, что пока Вы не пройдете шестую главу, у Вас ничего не получится... Разве что выпить зелье, идущее в этой книге под номером 78, оно смывает грань между реальностью и сном.

– А у меня и так все размыто... – Алексей хотел было рассказывать о своих снах, но Грин прервал его.

– Не так. Размывается иначе. Тут не объяснишь, знаете ли. Все идет вперемешку, реальность, сон, полуреальность, полусон... Это очень опасное зелье, только для опытного мага, только он не запутается в этом хаосе бесконечности возможностей. А Вы совершенно не подготовлены. Работайте над шестой главой, первые упражнения Вы должны выполнить обязательно.

– Помогите мне!

– Как я могу помочь, мой дорогой друг? Я не могу за Вас проходить упражнения. Если Вы хотите быть свободным, Вы должны делать это сами. Потрудитесь, давайте. Это очень толковая книга. Мэйджик-дайджест, можно сказать. Самый оптимальный вариант, учитывая сжатые сроки. Времени, поверьте, немного. Оно ограничено сном и рабочим временем, а Вам по утрам еще хочется крушить и убивать.

– Так я возьму сейчас, и не пойду на работу, – Алексея обрадовала решающая проблемы мысль, им же и сказанная.

Нейри, однако, его радости не разделял:

– Вы уже чувствуете голод, Алексей Альбертович. Нес-па?

– Что? А... Есть немного.

– В одиннадцать часов он станет сильнее, много сильнее. В двенадцать он станет нестерпимым, но что бы Вы не съели, это не поможет. Ноги сами понесут Вас в магазин, и только там Вы сможете утолить голод. Вот так обстоят дела.

Алексей был шокирован. Грин продолжал:

– Есть, правда, еще кое-что, но об этом я говорить не могу, Вы это сами скоро поймете. Вы, пока еще десять, постарайтесь сосредоточиться и выполнить первое упражнение из шестой главы. Не падайте духом, если не получится. В книге не случайно говорится о настойчивости. Искренне желаю Вам успеха. Будете уходить, книгу оставьте у Тамары Андреевны, я переживаю, что книгу могут украсть. И верните ей, наконец, штопор. Зачем он Вам вообще нужен был?

– Бутылку открыть! Зачем же еще штопор? – буркнул Дугин.

– У меня в голове за эту секунду появилось около сотни вариантов, как можно открыть бутылку без помощи штопора. Вы слишком следуете правилам, учитесь быть свободным! Кстати, пока Вас мучили кошмары, я отлично повеселился с той прелестной дево́й, помните ее?

Впервые за весь разговор губ гостя коснулась улыбка, и Алексей подумал, что сейчас Нейри не слишком соответствует его предсмертному описанию Димы. Напряженный, мрачный.

Нейри поднялся:

– Что ж, до скорого свидания.

Когда он вышел, Алексей чертыхнулся и постарался отогнать неприятные мысли о своей несвободе действий. Времени оставалось не больше часа, и он поспешил открыть книгу на шестой главе.

«Первые два упражнения – лишь схемы пробуждения врожденного умения управлять волей гибко – не только на внутренний диалог, но и на внутреннее молчание ради открытия и изучения самого себя и окружающей реальности.

Къ дальнейшимъ техникамъ желательно приступать лишь пройдя вторую главу.

Упражнение 1:

Завяжи глаза тканью, и убедись, насколько образы, рожденные звуками неполны, и насколько их происхождение и значение неопределенно. Внутренний диалог должен остановиться. Будь съ завязанными глазами подолгу.

Другой способъ – ходить подолгу съ расфокусированными глазами, пользуясь только боковым зрениемъ. Удерживай расфокусированные глаза на точке чуть выше горизонта».

Это и все упражнение? Что значит – подолгу?

Неопределенность упражнения разочаровала Алексея, который надеялся сразу научиться останавливать внутренний разговор.

Но Нейри сказал работать, и другого пути нет.

Перспектива идти в магазин с завязанными глазами его не прельщала. Он решил идти с расфокусированным взглядом. Но перед этим нужно оставить книгу у соседки.

Соседка открыла почти сразу:

– Здорово, Леша!

– Здравствуйте, Тамара Андреевна. Вот штопор.

Он протянул штопор, но Тамара замахала на него руками:

– Через порог нельзя! Заходи.

Алексей вошел и отдал штопор.

– Нельзя ли попросить Вас об одном одолжении?

– Можно, – легко и дружелюбно ответила она.

– Вы не позволили бы мне оставлять эту книгу у Вас, пока я на работе?

– Конечно, Леш. Давай сюда. Не волнуйся.

– Я и не волнуюсь. Смотрите только, чтобы Ваш чудесный сынок не порвал эту книжечку. И не читал ее.

– Что за намеки?

– Никаких намеков. Просто у Вас особенный сын.

– Насчет того, чтобы он не прочитал ее, беспокоится нечего, – уже раздраженно проговорила соседка, – он все это знает, и умеет больше Вашего, Алексей Альбертович.

То, как она перешла на Вы, ему очень не понравилось.

– Ладно, я пойду.

– До свидания.

Эта встреча наводила на раздумья.

Однако думать было некогда.

На улице по-прежнему лил дождь, но ветер стих. Продавец раскрыл зонт, прошел пару метров от подъезда и расфокусировал взгляд. Он сразу понял, что сделал все правильно, но у него начали болеть и слезиться глаза. Что ж, если это часть испытания, часть упражнения, то придется терпеть.

Он шел, ориентируясь больше по звукам, чем по зрительным ощущениям. Часто оступался, и тогда фокус возвращался в свое обыкновенное состояние. Снова заставлял глаза изменить своим привычкам, и продолжал движение. Только у самого магазина он позволил своему зрению вновь фокусироваться на предметах, и только тогда понял, что все это время ни одной мысли не мелькнуло в его голове, кроме, разве что, фонового ощущения необходимости выполнять условия упражнения, когда в очередной раз оступался. И понял Алексей также, что прекратился не только внутренний диалог, но и весь процесс мышления словно бы остановился, когда он шел. Алексею казалось, будто он спал, пока шел, и теперь проснулся. Вернулся голод, и слегка отходя от сонного состояния, продавец вошел в магазин.

5.

В магазине все изменилось. Прилавки и холодильники исчезли, их заменили шкафы, стоящие у стен и параллельно стенам пятью рядами. На полках лежали коробки разных размеров с бирками. В середине помещения, меж двух рядов, стоял мужчина с черной густой бородой.

– Вчера по местному телевидению передавали – пожар. Сгорел музей изобразительных искусств имени Пискурева Эрнста Иосифовича. Не слыхали ничего об этом? – спросил мужчина поставленным, как у священника, голосом, когда Алексей закрыл за собой дверь.

– Нет. Очень жаль. Не успел его ни разу посетить.

– Вы думаете, оно того стоило? Картин самого Пискурева там почти не было. Две постоянные выставки русской иконописи и живописи первой половины восемнадцатого века. Часто бывали еще выставки современных художников, весьма посредственных, кстати сказать. Да и сам Пискурев ни разу в жизни не испытывал вдохновения. В этом легко убедиться в этом, достаточно взглянуть на «Бульвар» или «Киев», которые считаются лучшими его работами. Правда, «Бульвар» находился в нашем музее, и сгорел.

Знаете, Алексей Альбертович, что отличает художника от не-художника, или от плохого художника, что то же самое?

– Никогда не задумывался об этом.

– Хороший художник, в отличие от плохого, знает, что трава не зеленая, как нам это внушают в детстве.

Алексей промолчал. Мужчина подошел к продавцу ближе:

– Вы успешно справляетесь с отведенной ролью. Причиной пожара стал брошенный Вами окурок. Я Вас поздравляю.

Только теперь продавец узнал в этом мужчине бородача, который угостил его сигаретой вчерашним утром.

– Зовите меня Карл Эдуардович. Я хозяин этого магазина и всех остальных магазинов сети «Калима».

– Что же мы теперь будем продавать, Карл Эдуардович? Обувь? – показывая на полки, иронично спросил Дугин.

– Обувь вряд ли. Мы будем продавать антиквариат. Думаю, процесс продажи теперь будет менее напряженный, хотя и более творческий. Вещи из коробок нужно достать и аккуратно расставить так, чтобы они имели товарный вид. Коробки надо будет спрятать, но информацию,

записанную на бирках, следует запомнить. Займитесь этим. Покупателей сегодня, скорее всего, не будет. Но знайте: на коробках записана минимальная цена – синим цветом, и черными крупными буквами цена, которую Вы будете называть покупателям. Они станут торговаться – торгуйтесь, но уступайте немного. Если покупателю нужен товар, он купит его и без скидки. В общем, Вы разберетесь, я уверен. Магазин по-прежнему работает круглосуточно, мы уже нашли нового сменщика. Что ж, – он хлопнул Алексея по плечу, – приятно было познакомиться. Мне нужно уходить, дела ждут... Да, знайте, этот проходимец, который называет себя Нейри Грин – не слушайте Вы его. Ничего у Вас с ним не получится, не старайтесь даже. Кто он вообще такой, Вы хоть знаете? – Алексей отрицательно покачал головой, – Вот видите. А знаете, почему Вы этого не знаете? Потому что он никто.

Карл Эдуардович кивнул на прощанье Алексею и вышел, оставив продавца наедине с коробками. Алексей, правда, с содержимым коробок знакомиться не спешил. Его больше беспокоил голод.

После обеда он решил убирать коробки, а бирку сдирать, и класть под соответствующую ей вещь так, чтобы название было видно, а цену – нет.

Первая коробка, за которую взялся Алексей, содержала, судя по надписи, «настенные часы герцога де Варэано». Минимальная цена – 9700\$, а в скобках – 2д., завышенная – 19500\$, в скобках – 4д.

Внутри действительно оказались старинные часы, изящно исполненные когда-то талантливым мастером. Но, несмотря на всю их красоту, Алексей не видел никаких причин для такой суммы, к тому же часы стояли и, скорее всего, были нерабочими. Разве что стрелки золотые или позолоченные... Не похоже.

Он приставил часы полубоком к левой стенке полки, чтобы они не потеряли своей привлекательности, а название и цифры своей первой коробки решил запомнить.

Коробка сменяла коробку, старинные перстни, медальоны, кинжалы и всяческая рухлядь графов, герцогов, донов и даже королей ложились рядом. Среди прочих вещей была розовая туфелька некой Дольчиты Неизвестной. Нет, все-таки их магазин будет продавать обувь.

По мере того, как он перемещался вдоль полок, времена, которым принадлежали вещи, по-видимому, уходили все дальше в прошлое. Алексей распаковал «кинжал Карси», «амулет Мерра», и, наконец, прочел надпись «двупузые речигловы». От изумления у Алексея открылся рот. Не доверяя прочитанному, он достал содержимое.

Три странного вида скульптурки из неизвестного материала зеленоватого оттенка. Статуэтки изображали каких-то чудовищ, отдаленно напоминавших китайских драконов, но слишком уродливых, чтобы носить это гордое имя. Каждая из статуэток представляла собой два ящероподобных туловища, которые срастались в одну безобразную голову. Три головы открывали пасть и высовывали раздвоенный язык, направленный вверх.

– А вот и я. Добрый день, рад Вас видеть еще раз, – послышался голос Нейри.

– Вы это у меня просили, насколько я помню. Ну и гадость.

– Гадость? Двупузые речигловы – это старый славянский перевод – были созданы лучшими магами тольтеков, предположительно во время правления Се Акатля Топильцина Кетцалькоатля. Я заплачу любую цену, даже самую завышенную, чтобы иметь возможность изучить их, как следует.

– Берите по минимальной. Вот она написана, синим, – он приподнял одну из статуэток, чтобы показать цену.

Но Грин вместо того, чтобы смотреть на бирку, внимательно изучал Алексея:

– Я вижу в Вас какие-то угрызения и сомнения. Думаю, их посеял наш незабвенный Карл Эдуардович. Ничего, сомнение – это лучшее состояние души для настоящего мага. Оно и предполагает свободу. И Вы, кажется, хотите что-то мне сообщить?

– Я прошел первое упражнение, – сказал Алексей.

– Отлично! Шарман! Bravo! Я даже не надеялся, что это выйдет в первый день. Значит, завтра Вы выполните второе, а для третьего Вам понадобится зелье №16. Я сам его изготовлю,

друг мой, не беспокойтесь. Великолепно... Завтра с утра Вы создадите больше разрушения, чем в предыдущие дни. Не расстраивайтесь слишком, разрушение – это Ваше бремя. Временно, если Вы будете работать над собой.

Он прошелся по магазину, стуча котелком о нераскрытые еще коробки.

– Да, много магического потенциала, но много и просто безделушек, которые приятно будет держать людям искусственным.

– Думаю, вон те часы, герцога де Варэано, имеют магический потенциал. Иначе, почему они стоят так дорого?

– Вот эти? Ну что Вы, голубчик. Вся ценность этих часов, принадлежавших когда-то самозваному графу, в том, что в то время, как у де Варэано на стене висели и тикали эти замечательные часы, не отставая ни на секунду год за годом, у его современников, в их просторных гостиных, стояли здоровые громадины, гулко отбивавшие время и постоянно ломающиеся, так что у их хозяев статья расходов на часового мастера была серьезной проблемой, а в не лучшие времена головной болью. Никто, кроме нашего графа, ни один король не мог похвастаться часами таких малых размеров и малого веса. Впрочем, не хвастался ими и де Варэано, поэтому, как я уже говорил, ценность сих часов, как и всей этой великолепной коллекции, знают только истинные ценители.

– Вроде Вас.

– Да, но если Вы будете судить об этих ценителях только лишь по мне, Вы будете заблуждаться. Разные есть ценители. Итак, по какой цене Вы отдадите мне всех трех двупузых речигловов?

– Я же говорил – по минимальной. Вот она, – даже минимальная цена была, по мнению Алексея, безумной.

– Алексей Альбертович, Вы можете разозлить Карла Эдуардовича.

– Плевать я на него хотел.

– Не хочу Вас лишний раз расстраивать, но Ваш гегемон держит Вас в почти полной зависимости, будь то Карл Эдуардович или кто-то другой. Вы можете отдать все товары за бесплатно, но Вам за это платить. Болью и усилившимся саморазрушением. Так что я согласен на завышенную цену.

– Я могу убить этого Карла.

– Сомневаюсь. И даже если сможете, это будет напрасно. Вместо него объявится новый... Алексей, опять... Красный, алый цвет на черном... До утра еще далеко, а Вы уже готовы разрушать. Вы должны понять, Алексей Альбертович, что хозяин сети «Калима» не зло и коварство во плоти. Он часть системы, как и Вы. Чем раньше Вы это поймете, тем лучше для Вас. Чужих душ у меня нет, разве что своя, родная, поэтому держите доллары.

Он достал из внутреннего кармана несколько пачек долларов номиналом в тысячу и отдал их в руки продавцу.

– До завтра, мой дорогой разрушитель. *Пока* разрушитель.

Нейри положил статуэтки тольтеков прямо в свой котелок, и скрылся за дверью.

Стало быть, цифры в скобках, написанные на коробках, – это цена в душах. Ну-ка, посчитаем.

Выходит, душа по нынешним временам стоит приблизительно пять тысяч долларов штука. Ну, чуть меньше.

Речигловы стоят 30 душ штука.

Полезные, должно быть, вещицы.

Примерно через час продавец распаковал весь антиквариат. Все вещи оказались небольших размеров, почти все из них Дугин мог пронести за пазухой, что наводило на соответствующие мысли, но Алексей отогнал подобные размышления и больше к ним не возвращался. Читать эмоции и мысли может Грин и Гервик, вдовый сын, значит, видимо, может проделывать эти телепатические операции и хозяин магазина.

Алексей прошелся по магазину, разглядывая старинные вещи, заряженные положительным и отрицательным магическими потенциалами.

Дугин вглядываясь в глазницы черепа-кубка, произнес:

– А ведь все из-за физики. Если бы не тот экзамен, все сложилось бы иначе...

Мысли потекли в привычном русле трогательной ностальгии, которую усиливал запах старины, витавший теперь в магазине.

От своей судьбы Алексей иногда отвлекался и думал о судьбе предметов, расставленных им на полках. Огромная и порою жуткая история некоторых из них чувствовалась без каких-либо усилий. Но что за события связаны с той или иной вещью, для Алексея оставалось загадкой, и от этого ностальгия по былому, по институту, по временам, когда еще существовала страна Советов, становилась более романтической.

Алексей вспоминал, как однажды зимой он спас Аню. Удобней всего от остановки в институт было идти не по пешеходному переходу, а напрямую. Был гололед, и Аня поскользнулась именно на этом участке прямой, упала на середине дороги и не могла встать, рискуя своей жизнью – совсем рядом с непозволительной для гололеда скоростью ехала белая волга. Алексей как раз в это время курил у ступенек... А с кем он тогда курил?.. Неважно. Он сразу заметил Анюту, когда она вышла из троллейбуса, и наблюдал за ней, поэтому он был первый, кто среагировал, кроме, разве что, водителя волги. Тот резко дал по тормозам и яростно нажал гудок. Алексей подбежал к дороге по рассыпанному на льду песку и удивительно ловко подкатился к Ане, быстро помог ей подняться. Через секунду скользившая волга остановилась в том самом месте, где упала девушка. Удивительно, как он сам смог устоять тогда на ногах, а не упал под машину вместе с Аней. Просто волшебство. Магия. М-да...

В приятных воспоминаниях он не заметил как кто-то вошел:

– Вспоминаете былые времена? А былых времен не вернешь.

Это был Гервик. Рыжий мальчик с мужским голосом неприятно улыбнулся продавцу:

– Нейри, разумеется, уже купил тольтекские безделушки. Впрочем, я не за ними. Мне нужна печать Аделойи.

Алексей растерялся какие-то мгновения, но затем принялся разыскивать название на бирках под антиквариатом.

Минута, две, пять... Продавец просмотрел все экспонаты и нигде не нашел искомым слов ни вместе, ни отдельно.

– Боюсь, малыш, у нас нет печати Аделойи, – пренебрежительно сюсюкающим тоном сказал Дугин.

– Да что Вы? – он прошелся вдоль ряда и остановился в том месте, где продавец начинал свои поиски, нагнулся и достал с нижней полки невзрачный предмет, напоминавший больше формочку для отливания колокольчиков. – Да вот же она!

Алексей грубо отодвинул Гервика и достал бирку. На бирке действительно было такое же невзрачное, как и сама вещь, название, и цены. Дугин понимал, что Гервику не понадобилось даже заглядывать в эту бирку, чтобы узнать реальную и завышенную цену, и что он сейчас наверняка видит что-то черное на красном, или алое на чёрном в структуре объемных мыслей Алексея.

– Думаю, мы остановимся на пяти душах, – лениво проговорил сын Тамары Андреевны.

– Э-э-э... Нет, – Дугин приготовился к торгу в формате долларов, но быстро соображал. Минимальная цена была четыре души, максимальная восемь, – Нет. Думаю, мы остановимся на восьми.

– Эту печать никто, кроме меня, не купит. Продавай, и еще спасибо скажешь.

– Семь душ!

– Пять. Это ведь все равно не твои вещи. И души достанутся не тебе.

– Хорошо. Я продам ее только за шесть душ, или не продам вовсе. Думаю, ты понимаешь, что я так и поступлю.

– Это правда. Хорошо. Вот они, – он достал из кармана огромный драгоценный камень, с ладонь размером, изумруд, наверное, во всяком случае, зеленого цвета. Потом из другого кармана достал оранжевый мутноватый граненый камушек, раз в пять меньше зеленого. – Здесь пять, а в этом одна.

Он протянул камни продавцу. Пробыв еще немного в замешательстве, Алексей отрицательно покачал головой:

– Откуда мне знать, что ты не обманываешь меня?

– Это камни Сайе Шул. И то, что они не пусты, видно невооруженным глазом, – удивленно говорил вдовый сын

– Я этого не знаю. Приходите завтра.

Постояв пять секунд, буравя взглядом продавца, Гервик махнул рукой:

– Что за идиот! – драматично воскликнул он, засунул камни Сайе Шул обратно в карманы и поспешил удалиться.

Алексей был сердит и зол, но эмоции не искали выхода – видимо, разрушение внутри магазина подавлялось. Или же просто желание разрушать должно появляться только после сна, а позже угасать?

Без десяти восемь пришел Игорь, обрывая цепочку вновь и вновь обновляющихся фантазий Алексея об убийстве Гервика и Карла Эдуардовича заодно. В отличие от сегодняшних посетителей Игорь был при зонте, и, тем не менее, промокший. Они пожали друг другу руки, и ночной сменщик, вернувшись из подсобки без зонта и своей коричневой куртки, не дожидаясь расспросов, начал отвечать Дугину:

– Не парь мозги, Леша. О чем бы ты не думал, все всегда проще, чем кажется. Я оказался у тебя во сне по заданию – ничего личного.

– Почему же мне тогда было так больно?

– К твоей боли я отношения не имею. Она была бы в любом случае, – он приподнял и поставил обратно череп-кубок. – Интересно, конечно, ты придумал. Первые дни пускай так побудет, но названия и цены надо выучить, а бирки выбросить. Покупатели у нас теперь будут другие. Умнее и прозорливее.

– Да знаю, что другие. Сегодня уже были двое.

– Кто?

– Нейри Грин купил двупузых речигловов, – Дугин показал на стол, где лежали доллары, – И Гервик, вдовый сын, мой сосед, пытался купить печать... э-э-э... Аделойи, но за души. Предлагал мне камни. А откуда мне знать, что это за камни? Я сказал, чтоб приходил завтра.

– Сколько камней? Каких размеров? Каких цветов?

– Один большой, зеленый, другой маленький, оранжевый.

– Малолетний гаденыш... Хотя он, скорее всего, не малолетний... Если камень Сайе Шул окрашивается в оранжевый, значит душа никуда не годится. Ты все правильно сделал. Надо будет предупредить нашего нового сменщика, чтобы не сглупил.

– Как вы вообще собираетесь объяснять новому, что происходит? Продавать старье за деньги – это еще куда ни шло, но за души!?

– Он в курсе – он же разрушитель. Давно, хоть и не так долго, как я, поэтому про оранжевые камни может и не знать. Завтра с ним познакомишься сам. А что касается Нейри, – Игорь помолчал, – я всегда ценил его чувство юмора, хотя в последнее время он стал сдавать позиции... На поприще юмора, я имею ввиду. В плане возможностей он растет – раньше он был свободен только ночью, а днем заточен в его колодце, или где он там живет... Это его цель – получить как можно больше свободы. И эта его мания – сделать хотя бы одного разрушителя свободным... Он, конечно, общается с тобой, я знаю... Понимаешь, разрушителем просто так не становятся. Ты стал им – получай удовольствие от своей новой жизни, с теми законами, которые установлены для разрушителя. Если бы не Грин, скажу я тебе, ты был бы счастлив. Был бы жив и счастлив и Дима, который стал разрушителем всего лишь год назад... Я советую тебе прислушиваться больше к себе, чем к другим. А теперь тебе лучше поспешить – сон приходит

через два, максимум – три часа после смены. А тебе бы еще побриться – разрушение разрушением, магия магией, но за личной гигиеной нужно следить.

6.

Было девять часов утра, когда без каких-либо болей Алексей проснулся. Снилось что-то связанное с тем экзаменом по физике в конце второго курса, но что именно Дугин не помнил.

Нужно было спешить выполнять второе упражнение, и Алексей звонил и стучал в дверь соседки, но никто не открывал. Чертыхаясь, он рванул на себя ручку, и она оторвалась. Злость искала выхода, и вся энергия, текущая по жилам разрушителя, обратилась в удар ноги. Металлическая дверь, немного прогнувшись, выдержала, но известка вокруг двери потрескалась и осыпалась.

Алексей ударил еще и еще. Трещины поползли по всей стене. Кирпичи рядом с дверью податливо зашатались. После девятого удара дверь, вместе с дверной коробкой и обломками кирпичей, ввалилась внутрь.

Сквозь стену поднявшейся пыли он вошел в чужую квартиру, вдруг ощутив угрызения совести. Но что сделано, то сделано. Да извиняться не перед кем.

Книгу Алексей нашел почти сразу. В зеркале над столом он увидел себя с книгой в руках, а позади него, стоя на табуретке, ему махал рукой криво усмехающийся Гервик.

Разрушитель оглянулся. Никого. Только табуретка.

Заглянул повторно в зеркало – только его отражение.

– Даже не знаю, что сказать. Врываешься сюда. Сносишь мне дверь. Магическую защиту заодно... – низкий голос раздавался по всей квартире, но Алексей, уверенный, что Гервик стоит позади, вновь обернулся.

Однако это был не десятилетний сын вдовы. На табуретке сидел седой старик в черном балахоне. Он сидел ровно, опираясь на трость, и взгляд его черных глаз буравил Алексея.

Время стало растягиваться, как жидкая карамель. Звуки слились в один непрерывный монотонный звон. Старец резко поднялся, изящным едва уловимым движением пальцев раскручивая трость. Трость завертелась перед ним вокруг всех своих осей.

Рука старика, оставляя за собой темный след в воздухе, медленно, отставая от скорости трости, схватила ее за ближайший конец. Острым концом она уперлась в грудь разрушителя.

Время возвратилось к своему обычному ходу.

Воздух вышел из легких Алексея в одно мгновение. Разрушитель попытался вздохнуть, но ничего не получилось. Тогда, выронив книгу, он перехватил трость двумя руками и вырвал ее у седого мага, выдернул ее в направлении от себя, так, что старец, потеряв равновесие, попятился короткими шажками назад и упал, ударившись головой о табуретку.

Возможность дышать вернулась Алексею. Он вдохнул воздух и энергию, но сразу зарычал сквозь сжатые зубы. Жгучая острая боль в легких разрывала его изнутри. Каждый вдох. Каждый выдох. Каждый вдох. Каждый выдох...

Алексей почувствовал вкус крови. Он ничего не мог поделать – казалось, вся энергия, которую втягивали его больные легкие, была испорчена.

Маг тем временем очнулся и легко поднялся.

Алексей крепко сжал трость. Боль не оставляла его. Сотни, тысячи маленьких, крохотных крыс хотят выбраться из него через грудную клетку – при каждом дыхании перед ним всплывала эта сумасшедшая картина.

Из черных глаз седого мага потекла тьма, она заполняла все вокруг, и когда старик без особого труда отобрал трость у Алексея, стало совершенно темно. Тьма с чавканьем проглотила все звуки. Она пронизывала холодом и страхом, она прилипала к рукам, заползала под ногти, она липла к лицу, она заползала в глаза, она заползала в нос и крепко сжатый рот. От тьмы не было спасенья.

Дугин хотел закрыть лицо руками, но руки его не послушались.

Грызуны внутри становились все злее и злее, своими коготками и острыми зубками жадных челюстей они рвали альвеолы и бежали дальше. Они пили его кровь и дышали его воздухом. Он ненавидел их сильнее, чем тьму.

Алексей очень хотел позвать кого-то на помощь. Но никого рядом. Некого звать. Близких, родных, друзей – их нет. Помощи не будет.

Страшно...

Дыхание вновь перехватило. Кажется, это тьма добралась к легким. Внутри стало холодно.

Вдруг тьма отступила, ушла, исчезла, растворилась, вышла из тела Дугина.

Он сделал глубокий вдох, почувствовав боль старой раны внутри, и проснулся.

Было шесть часов утра. С каждым дыханием ноющая боль разливалась по телу вместе с вновь прибывающей энергией приятным теплом. Боли уже почти не было. Правда, когда Алексей поднялся с кровати, внутри кольнуло, он ярко вспомнил привидевшихся крыс и скривился.

Сейчас он пойдет рушить и убивать. Но перед этим необходимо твердо решить – он должен стать свободным. Он должен обрести свободу, потому что одиночество у него уже есть.

Алексей подошел к зеркалу в ванной – отражение его лица казалось уверенным и решительным. Вглядевшись в свои серые глаза, он проговорил:

– Ты должен преодолеть этот чертов рубеж. Пусть мысль станет действием. Пусть слово станет делом. Твоя судьба – это не путь шахматной фигуры на доске обстоятельств. Ты должен владеть собой, ты – и больше никто.

Он стоял и смотрел на свое отражение, пока боль не прошла совершенно.

Неописуемая радость нахлынула на разрушителя вместе с волнами энергии нового качества. Отражение в зеркале хищно улыбнулось. Ноздри бешено раздувались, зрачки увеличились, закрывая собой всю радужку.

Алексей залился смехом.

Размахнувшись, кулаком он разбил зеркало на сотни осколков, сделал в стене углубление, взорвавшееся глубокими трещинами по всей стене.

Несколько секунд спустя Алексей вышел из подъезда и, с легкостью перепрыгивая через ограды, понесся, бешеный, прямо сквозь частный сектор.

Он зарычал – в одном из участков встретился сторожевой пес. Кавказская овчарка, генетически предназначенная убивать медведей, пытаясь не показать, что боится, захлебываясь лаем, пятилась к дому хозяина, за которого она готова отдать свою собачью жизнь.

Быстрый прыжок. Ударом ноги оглушить. Двумя руками над землей. Челюстью, заострившимися зубами перекусить позвоночник. Да!.. Этот сладкий вкус...

На разъезде пяти безлюдных дорог высилась над крышами одноэтажных зданий заводского района небольшая православная церквушка, почему-то без крестов.

По середине западной дороги в сторону церкви шел черный кот.

По обочине северо-западной дороги шла серая кошка.

На встречу ей, по юго-восточной дороге лениво шествовал толстый рыжий кот.

С севера шла разноцветная беременная кошка, с небольшой частотой виляя от одной стороны неасфальтированной дороги на другую.

С востока бежала белая кошка.

Когда они встретились в центре разъезда, с юго-запада через невысокий деревянный забор перепрыгнул разрушитель и, не обтерев кровь возле рта, стекающую по подбородку, быстрым шагом пересек дорогу, по которой прошел рыжий кот, и подошел вплотную к церкви – она стояла между восточной и юго-восточной дорогой.

Внутри храма божьего были только священник, читающий молитву, и старуха, что стояла на коленях у алтаря, крестилась и сгибала свою круглую спину, касаясь носом пола церкви. Немногочисленная служба.

При виде Алексея немолодой священник оборвал фразу на старославянском и схватился за сердце, производя невнятные звуки, отдаленно напоминающие молитву. Старуха не понимая, что происходит, продолжала креститься, но медленно, неуверенно; смотрела на священника, в выпученных глазах которого читался священный ужас.

Когда бабка повернулась в сторону входа, помещение церкви заполнилось ее истошными истерическими криками, которые заглушал громкий безумный смех разрушителя.

Священник меж тем пришел в себя, и не своим голосом прокричал:

– Сюда, Дарья Савельевна! Сюда, – он указал на дверь черного входа, и вбежал в нее впереди старухи.

Неуклюже встала и покинула церковь, убегая, Дарья Савельевна.

Алексей остался стоять в дверях.

Войти не получается. Что-то мешает.

Разрушитель зарычал от злости, но это не помогло. Он исчез.

Треск. Звон. Одно из окон треснуло и разбилось. Вместе с Алексеем осколки стекла и куски деревянной рамы влетели внутрь. Разрушитель перекатился через спину и встал на ноги. В руке у него был крупный треугольный осколок стекла, порезавший ладонь и потому окровавленный.

В позе нападающего воина-дикаря он скалился увеличившимися зубами, озирался по сторонам, ожидая, что на него должны напасть. Но никого не было.

Зачем он здесь? Чего ждет? Что он может делать в церкви?

Постепенно дыхание выравнивалось и Алексей все более ясно представлял ответы на эти вопросы. Он тут без какой-либо цели, он ничего не ждет, он просто стоит здесь с ощущением, будто только что очнулся после очередного ночного кошмара. Но он не в постели. А это значит, что сегодняшнее утро не было сном.

Алексей почувствовал боль в ладони и тяжесть во всем теле. Осколок стекла выпал из сжимающей его руки, и, взглянув на икону Пантелеимона-Целителя, Дугин услышал тихий шепот:

– Леша!.. Слышишь меня?.. Перекрестись!.. Три раза!..

– Зачем? Кто это? – спросил недоуменно Дугин. Вокруг никого не было, шепот звучал повсюду.

– Это Дима... Поверь мне на слово, в этом есть смысл... – он перешел с шепота на голос, но его все равно было едва слышать. – Перекрестись!.. Три раза!.. Попроси Господа простить тебя... спасти тебя... Встань на колени... Помолись... Сделай это... и ты станешь человеком вновь. Все так просто!..

Алексей поднес три пальца ко лбу.

«Положиться на Бога. Да... Он сотворил все живое и неживое, я Его дитя, Он простит мне все мои грехи, Он милосерден. Достаточно только встать на колени, перекреститься и попросить прощения за грехи... Какие грехи?»

– Скверные мысли в душе... Желание зла ближнему... Самолюбие... Чувствительность к огорчениям и обидам... Страхи... Отчаянье... Мысли о самоубийстве... Отрицание таинства пресуществления... Это грехи против себя... – снова шепотом проговаривал Дима.

– Это грехи? Я должен просить за них прощение?!

– Ибо ты дитя Господа, и грех супротив себя – грех против Него.

– Тебя ли я слышу, Дима? Ты же, ты!.. Нет, Дима!.. – он опустил руку, – я не буду просить прощения. Я не встану на колени!

– Гордость... всех презирающая... требующая от дру...

– Пошел к черту! – злость начинала вновь заполнять его. – Я не хочу попасть из одного рабства в другое. Сейчас я не свободен в своих действиях, но когда я преклоню колени перед богом, я перестану быть свободным в мыслях!

– Гордость... готовая на небо взыти и уподобиться Вышнему... гордость до...

Разрушитель уже не слушал. Даже если это и был когда-то Дима, то он уже перестал им быть.

Боль проходила, становилось легко. Сознание Алексея быстро тонуло в желании уничтожить храм рабства мысли.

Разрушитель вынул восковую свечку, поставленную Дарьей Савельевной у образа Божией матери без младенца, и поднес к губам. Сделав глубокий вдох, он медленно выдохнул.

Язык пламени достал сразу две иконы – Богоматери и Святого Духа. Иконы быстро сгорали, передавая пламя другим. Алексей выкинул свечку и дул теперь на огонь. Голодный огонь стремительно поглощал иконы и рос. Через полминуты, презрительно улыбаясь, разрушитель покинул горящее здание. В руках он зачем-то держал икону Иисуса Христа. Кинул ее тут же, рядом, так, чтобы пожар не достал. Глянул в небо.

Собирались тучи.

7.

Дверь открыл Гервик. В руках у него уже была книга:

– Ты прошел первое упражнение, не так ли? – это было не столько вопрос, сколько утверждение.

– Да, прошел. А в чем проблема, дружок? – вести беседу с ним Алексею совершенно не хотелось.

– Если дело пойдет так дальше, можно сойти с ума. Все, конечно, твердят об избранных. Наверное, и Нейри тебе расскажет, что ты особенный. Послушай меня – в сумасшествии ничего хорошего нет. Будучи магом, нужно быть вменяемым. Чтобы этого достичь, следует долго работать, а не брать нахрапом вершины сразу. Ты рискуешь.

– Дай сюда, – сказал Алексей и выхватил у рыжеволосого мальчика книгу.

– Сдалась она тебе. Я сам могу научить тебя магии. За плату, конечно.

Алексей у порога своей квартиры остановился:

– За какую плату?

– За душу, разумеется.

– Пошел к черту, – Алексей с силой хлопнул дверью.

«Упражнение 2:

Уединись в закрытом помещении. Закрой глаза и уши. Сядь поудобней. Начинай думать об одном из своих путешествий. Старайся вызвать в памяти все подробности и мысленно представь себе, что это же путешествие ты совершаешь вновь. Не давай ход мыслям, не связанным с путешествием».

Алексей сел на диван, глубоко вздохнул и закрыл глаза.

Леша проснулся часов в семь – спать на раскладушке было неудобно.

В контейнер загрузили мебель и все вещи еще вчера, а уже завтра в квартиру въезжают новые хозяева. Он прошелся в последний раз по своей опустевшей квартире. Что связывает его с ней? Юношество. Именно то время, которое он провел в институте. До этого он с родителями жил в другом конце города. Когда мать умерла от рака, они переехали сюда, а теперь отца нет, и он уезжает. Один.

Пустая квартира. Гнетущая обстановка. Подертые местами обои. Замусоленные затертые ниже выключателей. Кухня. Туалет. Ванная. Гостиная. Комната. Все пустое.

Леша сложил раскладушку, взял коричневый чемодан и ушел.

К столику неохотно подошла официантка, приняла Лешин заказ. Цены были сумасшедшие. Но он решил немного порадовать себя, пожалуй, в последний раз. Угоститься кофейком, пирожным, и, самое главное, пюре с котлетами.

Пока несли заказ, Леша огляделся по сторонам. Половина столиков заняты. За толстой теткой, которая кричит на совсем маленькую, особенно в сравнении с мамой, дочку, Леша углядел бывшего одногруппника – Авсева Андрея.

Сделав официантке знак, что он сменил место дислокации, Леша подсел к бывшему старосте группы. Тот сначала не узнал Дугина, но потом радостно встал из-за стола – они обнялись.

В отличие от Лешы, который внешне практически не изменился с десятого класса, Андрей был теперь совсем другой, нежели на первом курсе, когда они познакомились.

Большой, широкий – он еле вмещался в красный пиджак; волосы короткие, правый глаз – бельмо. Однажды они группой поехали отдыхать в лес. Леша топором рубил дерево, Андрей шел сзади, Леша размахнулся сильнее и попал старосте обухом топора в глаз.

Но это было на третьем курсе, в год распада СССР. С тех пор все про это забыли. Леша месяц-два переживал за Авсева, клял себя за то, что сделал. От переживаний он даже заболел... А когда с трудом встал на ноги, в институте увидел, что Андрей совершенно не переживает из-за своего глаза – смеется, шутит, а девушки к нему липнут еще больше.

Принесли пирожное и кофе в чашке, которая напомнила Леше чашечку из игрушечного набора, с которым девочки играли в детском саду в дочки-матери, непременно делая его сыночком.

Авсеев сказал, что едет в Москву, налаживать деловые контакты его фирмы. Леша – что едет на юг, в надежде на лучшую жизнь и на улучшение здоровья.

Дугин и Авсеев вспоминали институтских, говорили о том, где кто теперь; об Ане Леша спросить постеснялся.

Но вот Андрей деловито достал из кармана пейджер, посмотрел время и, пояснив, что ему пора на поезд, пожал Леше руку, взял свой дипломат и подмигнул на прощание потускневшим глазом.

Принесли, наконец, пюре.

Потом он купил газету, прочел ее всю от корки до корки. Затем слонялся по вокзалу, пока монотонный женский голос, доходивший из динамиков, не объявил о прибытии его поезда.

Вагон был почти пуст – пока Леша искал свой номер, он заметил только сухую старуху с длинной шеей в одном купе и молодую маму с малолетним ребенком в другом. Его место оказалось в конце вагона, рядом с туалетом. «И то хорошо. Нужно мыть руки. Холера ходит» – подумалось Леше, и он принялся размещаться, прикидывая, как лучше разобраться с раскладушкой и чемоданом.

Придя к заключению, что ехать долго, и он успеет еще насидеться, Леша вышел обратно на перрон, где стояли небольшими группами люди с чемоданами. Кто-то из них уезжает, другие провожают уезжающих. Жмут руки. Обнимаются. Целуются.

В пачке оказалась только одна сигарета, и внимательно взглядываясь в нее, как будто в первый раз видит это табачно-бумажное изделие, Леша твердо решил, что курит в последний раз. *Спичка чиркнула о коробок, медленно зажглась, передала огонь сигарете.*

Тяга. Да черт с ним, с этим городом.

Выдох. Этот город... Устаешь от него. Высасывает жизненные силы.

Тяга. Бомжи.

Выдох. Холера.

Тяга. Никто не провожает.

Выдох. Докурю и брошу. Впереди новая жизнь, здоровая жизнь.

Тяга. Жизнь действий...

Выдох. И свершений.

Тяга. Какая симпатичная девушка.

Выдох. Смотрит. Улыбнулась.

Тяга.

Выдох. Нужно смотреть в другую сторону.

Тяга.

Выдох. Симпатичная, но по сравнению с Аней...

Тяга. Она проигрывает...

Выдох. Со счетом десять-ноль. Двадцать-ноль. Сто-ноль. Тысяча-ноль.

Тяга.

Выдох. Когда в душе есть любовь, ее не заменишь ничем.

Тяга.

Выдох. А этот знаком, тоже курит... Кто он? Знакомое лицо.

Тяга. Неприятное.

Выдох. Наглое, плебейское... Бритая налысо голова.

Тяга. Посмотрел на меня.

Рука держит перед глазами докуренную сигарету, табачный дым вытягивается, лениво струится вверх. Кажется, что нить дыма можно натянуть, притронувшись к ней пальцами левой руки...

Странное ощущение – встретить своего врага, которого всеми фибрами души ненавидел, но уже успел забыть. Он был на два или три года старше Леша, и несколько раз избивал его, когда Леша учился в седьмом и восьмом классах, потому что боксеру не нравился Лешин смех. Весь восьмой класс – угрозы, издевки, насмешки, толчки, удары под дых, в спину... Леша ненавидел его больше всего на свете.

Потом Леша сел в поезд... Сел в поезд... Занял свое место... Черт!

Алексей вскочил с дивана и ударил ногой стену напротив, картина с соблазнительной девицей сорвалась, рамка от удара об пол распалась на четыре дощечки. Разрушитель рычал, мечась по квартире, и сшибал все на своем пути.

Глубокий вдох запоздало привел его в себя. Вокруг царил хаос, стол и книжный шкаф превратились в щепки; книги разорваны; на полу валяются осколки разбитой люстры. Дверь в гостиную слетела с одной из петель.

Боксер испортил выполнение упражнения. Этот гиббон портит жизнь даже теперь!

Это быдло ехало в том же поезде, и, кажется, как и сам Дугин, до конечного пункта. Он может находиться в этом городе. Как хочется его убить!

Желание убить, однако, постепенно уступало место другому – в животе заурчало, и Алексей посмотрел на часы. Разбитые часы валялись рядом с диваном и показывали одиннадцать часов две минуты. Секундная стрелка дергалась, не в силах продолжить свой извечный бег.

Голод. Самый надежный рычаг давления. Не страх, не поощрение – голод...

Продавец не зашел, а забежал в двери магазина, пробежал мимо нового сменщика в подсобку, где на столе уже стоял обед... Что может быть вкуснее лапши быстрого приготовления и этих сосисок из бумаги и сои?

– Ну что, наелся? – В дверь вошел утренний сменщик – Вот и свиделись.

– Ты?! – Дугин встал из-за стола, – Ты!?

Перед Алексеем стояла причина его бед в седьмом-восьмом классе, причина сегодняшней неудачи. По-прежнему бритая голова, тупой взгляд, выпяченная вперед губа; боксер почти не изменился, только шея стала шире.

– А я думал – узнаешь или не узнаешь? – он сладко улыбался – Кстати, позвольте с Вами познакомиться, – боксер кривлялся, – величают меня Витя. Но для тебя, сморчок, я просто Господин.

Алексей сделал движение телом, как будто хотел перепрыгнуть стол, но передумал. Нет, он по-прежнему хочет убить этого сукиного сына, ошибку природы, но злость и ненависть не приходили на помощь, не становились силой, не растекались по телу энергией.

– Правильно! – одобрил его решение глухим, но громким голосом, Витя, посмеиваясь, – Ты ничего не сможешь здесь поделывать, придурок жизни.

Утренний сменщик подошел к Алексею и резким движением накаченной руки ударил того в живот. Дугин согнулся от неожиданной боли, получил оглушающий удар по уху и упал на пол. Витя продолжал бить лежащего на полу ногами:

– Гнида заученная! На! Как, хорошо быть разрушителем?! Приятно?! НА! Приятно!? Отвечай, сука! Хорошо убивать всех, кто попадется на пути? Да?! Но только ты убил моего брата, и тебе это с рук так просто не сойдет!

Алексей выдавил из себя невразумительный стон. Он лежал в позе эмбриона – колени как можно ближе к животу, руки, согнутые в локтях, закрывают голову. Это помогало, но недостаточно – боксер обходил его с разных сторон, пинал в спину, по затылку.

Дугин получил сильнейший удар в затылок:

– Тебе повезло, что мы можем видеться только во время обеденного перерыва, урод. Я постараюсь, слышишь меня, падаль, я сделаю все, чтобы твоя жизнь стала невыносимой.

Было слышно, как открылась и захлопнулась дверь в подсобку, затем входная.

Хорошо, что успел поесть. Хорошо, что успел поесть. Хорошо, что успел...

Он с трудом оперся на локоть чтобы встать, когда дверь вновь открылась, за ней оказался Карл Эдуардович. Хозяин «Калимы» деланно удивился и своим бархатным голосом обратился к подчиненному:

– Что это Вы, Алексей Альбертович, валяетесь на полу в рабочее время? Если уже вчера приходили покупатели, то сегодня они должны быть тем более. Вставайте!

Вытерев об рукав кровь из разбитой губы, продавец, сжимая зубы от боли и злости, поднялся на ноги.

– Вот и славно. Принимайтесь за дело, – перед тем, как уйти, Карл Эдуардович обернулся, – с церковью Вы справились отлично. Продолжайте в том же духе.

8.

Лифт не работал. Алексей не сомневался – в этом виноват хозяин сети «Калима». Каждая следующая ступенька отдавалась тупой пульсирующей болью в затылке. Опираясь о перила, он поднимался по лестнице и отчего-то непроизвольно сутулился, горбился, как будто опасаясь удара в спину.

Чертов магазин... Именно – чертов.

И все покупатели – тоже черти. Пронзают взглядом, читают мысли, смеются над ним, издеваются, просят товар, потом отказываются, называют его болваном...

Когда он дошел на шестой этаж, открылась соседская дверь. На пороге стояла соседка, в руках она держала стакан из черного стекла. Вдова подошла к Алексею, по-матерински обняла его и тихо сказала:

– Леша... Ты не выдержишь... Столько ненависти и злобы! Выпей это, – она оглянулась на свою дверь, – Это спасет тебя, Леша. Выпей, я сама готовила ... спасет тебя, Леша!..

Алексей приложился губами к холодной поверхности стакана, делая жадные глотки. Студеная терпкая жидкость потекла по глотке, по пищеводу, заполнила желудок, неестественно приятный холодок начал расползаться по всему телу.

Из квартиры послышался громкий мужской голос:

– Мать! Что ты натворила!

К двери подбежал седой старик с черными глазами:

– Опять! Он должен был спасти себя сам!

– Он бы погиб! – ответила Тамара.

– Если кто-то умирает, значит так надо!

– А ты неужто возомнил себя богом, что так легко распоряжаешься чужой жизнью?!

– Я просто знаю законы. И ты их знаешь. У него были шансы. А теперь... зелье для Погружения Из, адское зелье; он затеряется в хаотических частностях...

– Он справится, Герв, он справится... – непонятно, утверждала вдова, или спрашивала.

Маг вздохнул. Его речь стала спокойной и уверенной:

– Неси печать Аделойи, мама, я попробую ему помочь, – старик повернулся к Леше – Постарайся смотреть на себя со стороны. Все что с тобой будет происходить – не придавай этому никакого значения, не ищи в этом логики, не ищи в этом смысла. Если будет боль – пытайся сосредоточиться на чем-нибудь привычном, на чем-то приятном. А сейчас... сейчас лучше иди.

– Ку-да?.. – еле произнес Алексей. Язык, губы, челюсть едва двигались. Приятный холод уже проник всюду. Алексею казалось, что он не тяжелее перышка.

Тамара вернулась, она яростно открывала рот, но Алексей слышал соседку еле-еле, как будто он был глубоко-глубоко в колодце ... эхо доносило ее слова...

По-о... леш... ни... се... Леша...

Кто такой Леша?.. Кажется, это он... Нужно идти по лестнице...

Алексей сделал два шага вниз по ступенькам, затем оттолкнулся сильнее и медленно полетел над ступеньками вниз, улавливая эхо: «Не вниз! Вверх!»

Но было поздно. Он свободно и легко парил чуть выше ступенек, навстречу к нему приближался угол.

Стена и пол впереди начали вдавливаться, все остальное растягиваться и одновременно приближаться к нему со всех сторон. Леша летел по грязно-серому тоннелю, ноги занесло вверх, и ему стало ужасно смешно, но рассмеяться не получилось.

Перед глазами было только грязно-серое. Леша огляделся. Все та же грязно-серая картина. Он встал на ноги и понял неожиданно, что ходит по потолку – его волосы опускались вверх. Потом он подумал, что это, возможно, просто ветер.

На секунды закрыл глаза, а когда открыл их, увидел прямо перед своим лицом серое грязное куриное яйцо. Леша отодвинулся – яйцо лежало на его ладони. У него была только одна рука, она росла прямо из середины груди.

Он повертел яйцо у себя на руке, вращательное движение ускорялось и яйцо превратилось в мячик. Теперь в руке у него лежал мячик для гольфа. У мячика были глаза и рот, он улыбался. Леша учтиво спросил:

– Мячик, как мне найти?

– Все просто, – ответил звонким детским голосом мячик, – иди, пока не скажешь «Мы и полоски!»

– Спасибо тебе, – сказал Леша и поцеловал мячик.

Мячик куда-то исчез. Леша прокричал: «Мы не подростки!» и очутился на сцене в концертном зале. Он стоял на рояле, расставив ноги и уперев руки в бок.

Когда Леша понял, где находится, он поспешил спрыгнуть с клавишного музыкального инструмента и пошел за кулисы, где его должна была ждать семья, но там оказался только огромный кролик. Кролик уставился одним из своих красных глаз на Лешу и произнес:

– Снова! Ну и куда тебя, дурачок?

– Сам дурачок! – оскорбился Леша.

– Куда тебя?

– Что куда?

– Тебя!

– Что?

– Все, мне надоело. Иди в ту дверь, а там сам смотри.

Кролик превратился в крупный кусок обоев, которые валялись на полу повсеместно. Леша, ощущая во рту вкус капусты и редьки, подошел к люку, с трудом открыл его и прыгнул в темноту. Однако оказалось, что это была не темнота, а черная фанера, которую он разбил своим телом. Треск разнесся по помещению повторяющимся и искажающимся эхом.

Помещение оказалось длинным коридором, черный потолок и белый пол, на двух параллельных стенах висело бесчисленное количество зеркал, из которых выглядывал Леша. Леша, да только не совсем.

Он посмотрел на стену – сотни глаз посмотрели на него, одни с любопытством, другие равнодушно, иные насмешливо и с презрением. Некоторые отражения и вовсе не смотрели на Лешу, они смотрели по сторонам, изучали зеркальный зал.

Чем внимательней Леша приглядывался, тем больше находил отличий между этими подобиями и собой.

Он взгляделся в одно из отражений. Он никогда не ходил в такой одежде! В такой одежде ходят женщины. Какая мерзость.

Сам Леша был одет в джинсы и черный свитер. Он смерил свое отражение презрительным взглядом и перевел взгляд на следующее.

Господи, что это у него с носом? Бульдожий нос, и глаза, глаза косят! И улыбается как-то криво. А брови, брови-то! Косматые какие, да их же стричь пора! Ну и урод.

Леша начал двигаться вдоль зеркальной стены.

Этот смотрит куда угодно, только не Леше в глаза. Худой. Странный... Черт, да ведь он под дозой, черные зрачки блестят, на лице наркомана идиотская улыбка... теперь свернул губы в трубочку. Глаза впалые, под глазами черные синяки, губы потрескавшиеся, шрам на подбородке.

А этот неплох. Какие мышцы накачал, можно позавидовать, шея какая толстая! Смотрит на Лешу свысока, как на таракана на столе во время трапезы. Кого-то напоминает... но нет, вспомнить не получается.

Этот – в каком-то засаленном пиджачишке очкарик, небритый, горбатый, перекошенный, и улыбается так же криво. Что же это его эдак скрутило-то?

Этот – без руки. Правой. Или, наоборот, левой?

Уже не Леша перемещался вдоль стены, а стена двигалась мимо него.

А с этим что? На шее и щеках круглые синюшно-красные пятна, по середине пятен какая-то влага, слизь, гной... отвратительно. Сифилитик. Точно.

А этот, с маленьким носом... кажется, будто хочет видеть все сразу, взгляд бегаёт из стороны в сторону, улыбка странная... Резко остановил свой взгляд на Леше, свой безумный взгляд, выпученные неморгающие глаза, и дико расхохотался, но смеха его Леша не слышал – стекло, если это было стекло, удерживало звук. Что с ним? Наверное, олигофрен.

Этот... А что этот? Кажется, ничего особенного. Обычная одежда, никаких пятен на лице, руки-ноги на месте... Да ведь это же он сам!

Леша поднял руку – отражение подняло ту же самую руку. Не зеркально, а именно ту же руку – правую, для Леша она была слева. Они с отражением одновременно улыбнулись и пожали плечами.

Смотреть на себя оказалось неожиданно приятно и интересно. Медленно, но все-таки продолжала двигаться зеркальная стена, поэтому Леше пришлось идти параллельно со стеной в том же направлении, куда двигались зеркала.

Шло время, а Леша все никак не мог оторваться от самосозерцания, когда вдруг его всего встряхнуло, и он обнаружил, что в зеркале напротив больше нет его отражения. С досады Леша захотел ударить зеркало, которое почему-то манило призрачной надеждой... надеждой чего?

Он размахнулся, он уже делал так когда-то, и резко выпрямил руку, сжатую в кулак, но зеркало не разбилось, не треснуло, оно поглотило своей мягкой гибкой поверхностью руку и, не останавливаясь на этом, всосало в себя всего Лешу.

Он вынырнул из мутной воды, встал на неглубокое дно и оказался у самого края широкой тихой мелкой реки – впереди, в каких-то сантиметрах от его ног, течение обрывалось, вода падала в темноту. Это водопад, но шума воды не слышно. Еще чуть-чуть, и он бы не вынырнул, он бы упал туда, вместе с водой...

Под тенью высоких деревьев на берегу Леша присел на завалившийся ствол старого дуба и снял кроссовки, чтобы вылить из них воду. Но из них полилась не вода, а какая-то густая, вязкая жидкость зеленоватого оттенка.

Леша брезгливо отпустил мокрую обувь и решил идти босиком. Заросли леса пугали своей мрачностью, поэтому он пошел вверх по реке, держась как можно ближе к берегу – мало ли что в ней водится, крокодилы какие-нибудь, акулы, пираньи, водоросли-убийцы, гигантские спруты с щупальцами, синие утопленники, фабричные и заводские отходы, пиявки, вирусы, бактерии, микробы... В конце концов, на дне может оказаться разбитое стекло!

Куда он идет? Леша задумался. Он идет против течения. Есть река, значит она должна откуда-то начинаться, у всякого следствия есть причина – у реки должен быть источник. Когда он найдет причину, все прояснится.

Жара стояла ужасная. Раскаленный добела диск солнца безжалостно жарил под собою все без разбору, но Леша был уверен, что ему тяжелее любого дерева на берегу. Он сложил ладони и набрал в них не очень прозрачную воду, чтобы умыться. Прохладная вода потекла по лицу, шее, плечам. Здесь могут быть бактерии, микробы, какие-нибудь глисты... Но как же хочется пить!

Несколько мгновений он колебался – пить или нет, но жажда подавляла всякий страх, и Леша утолил ее речной водой. В ротовой полости остался непривычный вкус сырой, неводопроводной, некипяченой воды и привкус непоправимого.

Леша тяжело шел по песчаному дну, осознавая, что инфекционной больницы поблизости нет, и одновременно ощущая, как вода, полная дизентерийных или каких-то других палочек достигает низа живота и заражает, заражает его.

Русло реки здесь сужалось и виляло среди зарослей. Жара постепенно спадала, стало так хорошо, что идти дальше, да еще и против течения, казалось совершенно глупым занятием. Леша вдохнул влажный, в меру теплый воздух, потянулся, потом развел руки в разные стороны и упал в воду спиной. Зачем он вообще куда-то шел?

Окунувшись в воду, Леша ощутил полный покой и блаженство. Даже дышать не хочется, наверное, одного дыхания хватит... навсегда. Не холодно, не жарко. Тело ничего не чувствует, как будто его нет, как будто оно растворяется в реке. Растворяется...

Растворяется?!

Леша выскочил из воды и сделал судорожный вдох. Его тело стало водянистым, полупрозрачным, руки безвольно свисают вдоль туловища, чувствуется, как лицо, мимика лица превратилась в аморфное желе, даже зубы мягкие.

В панике он выбрался на берег и свалился прямо на огромный папоротник. Кое-как стиснув свои мягкие зубы, задыхаясь, он пытался напрягать мышцы рук, ног, лицевые мышцы, тазовые, пытался сжать кулаки... Тело почти не слушалось.

Столько идти против течения! По такому пеклу! И вот так, просто умереть, превратившись в медузу! А потом по радио передадут, что он умер, как настоящий пудинг!

Последняя мысль рассмешила Лешу. Как настоящий пудинг!

Он залился безудержным хохотом, он смеялся над своими мыслями, над собой, над всем. Ему было уже наплевать. Он понял, что терять ему нечего. Он смеялся все громче, смеялся до слез, слезы непроизвольно текли по щекам.

Какие тут могут быть акулы? Воды по пояс!

Какие еще спруты, какие утопленники? Какое стекло в этом недоступном цивилизации месте?!

Он смеялся, как какой-нибудь законченный планокур, и от собственного смеха его накрывал новый приступ хохота до слез.

Слезы текли из глаз ручьями, щеки и подбородок чесались, и он вытер их руками. Наконец он успокоился и, опираясь об лавровое дерево, встал. Вся лишняя вода вышла из него со слезами смеха.

Он взглянул на свои неводянистые, крепкие руки и ноги, покривлялся лицом и облегченно вздохнул. Это было его новое рождение.

Леша поглядел в чашу. Идти в эти заросли? Нет, нет и нет! Пусть туда ходят другие, те, кто не боятся, те, кто от природы имеют прекрасную ориентировку на местности, и смогут, если что, вернуться обратно к течению мутной воды, а он продолжит свой путь к источнику.

Под ногами снова песок, плотность воды вновь мешает передвигаться к цели, но все это пустяки, он знает, что делать, и он это делает.

Странно. Обычно на поверхности реки есть волны, а тут нет. Отчего бы это? И к чему?

Леша продолжал повторять изгибы русла реки, а температура воздуха меж тем падала. Становилось по-настоящему холодно.

С каждым Лешиним шагом деревья на берегу покрывались все более толстым слоем инея.

Он чувствовал, как сам покрывается корочкой льда, как холод доходит до его костей, а вода в реке по-прежнему остается все той же температуры, только теперь не кажется прохладной, теперь она, в сравнении с воздухом, теплая.

Нет, нырять в нее все равно нельзя, одного раза ему хватило на всю жизнь.

Температура понижалась, она давно ушла в минус по шкале Цельсия, но река не замерзала. Как и Лешины ноги. Но все, что было выше пояса, постепенно превращалось в мороженное.

Вокруг царил зимняя красота, но теплее от ее созерцания не становилось, и поэтому Леше скоро надоело смотреть по сторонам. Дрожь было не остановить, Леша и не пытался этого делать, от нее становилось теплее. Он держал подбородок ближе к груди, пытался дышать как можно медленнее – так воздух входил в легкие не столь холодным, как снаружи. От студеного воздуха горло и трахея воспалились, и казалось, будто мороз душит его, сглатывать слюну было невыносимо больно.

Начало болеть сердце, оно не справлялось с такой нечеловеческой нагрузкой. Но то, что Леша увидел в следующее мгновение, заставило забыть его и о горле, и о сердечной боли, и это зрелище было первое, что удивило его в этих краях.

За очередным поворотом реки, огражденной стенами высоких, полностью покрытых белым снегом и льдом, деревьев Леша увидел, как расширившаяся река уходит в небо. С трудом соображая что-либо из-за жуткого мороза, Леша подошел ближе и понял, что наоборот, она течет *из* неба.

Река спокойно текла из неба, и без всякого шума под прямым углом сливалась со своим горизонтальным продолжением.

Почему же он не видел ее раньше?

Леша присмотрелся к тянущейся ввысь полосе воды. Чем дальше от земли речка, тем она прозрачнее. Уже в метрах пятидесяти от земли вода оптически полностью сливалась с безоблачным, свинцовым, как это и положено зимой, небом.

Где же источник реки?!

Он раздосадовано ударил по горизонтальной поверхности воды ладонями, потом резко умылся несколько раз. Иней на свитере, коже и волосах мгновенно растаял. Леша набрал в рот воды, выпил ее и почувствовал, как удушающее воспаление проходит, как перестает болеть сердце. И все-таки вкус сырой воды беспокоил его.

Он растеряно оглядывался.

Что делать? Идти в лес?

Ну уж нет.

Леша решил, что пойдет дальше по реке – в небо. Он сделал десять решительных шагов, отделяющих его от потока падающей воды, и занес ногу как можно выше, чтобы поставить ее на стену воды, но нога прошла сквозь водопад, и вместо того, чтобы подняться вверх, Леша по инерции продолжил движение вперед, и, таким образом, прошел сквозь полосу текущей сверху реки.

За водопадом оказалась невысокая скала – Леше показалась, искусственная – по середине ее был вытесан вход в пещеру.

Леша вышел из воды совершенно сухой, но мороз снова начал пробирать его, и потому, недолго думая, он забежал в пещеру, где его действительно ожидало тепло.

Пещера сужалась и уходила вниз. Леша, пригибаясь, шел все дальше в темноту, ощущая у себя в животе неприятные движения. Он очень трезво осознавал теперь, что нужно как можно

скорее выбираться из этих мест, холера это или нет – а, скорее всего, да – в любом случае лучше быть дома.

Впереди, в глубине пещеры, смутно замерцал сиреневый свет. Это подстегнуло Лешу, и скоро он вышел из узкого коридора в небольшой зал, в центре которого горел столб сиреневого огня. Справа и слева от огня были продолжения подземного хода.

Куда же идти? А не все ли равно?..

В мерцающем свете в глаза бросилась маленькая, незаметная с первого взгляда, деталь. Леша увидел, когда подошел ближе, что правый вход отмечен черной окружностью, внутри которой начерчена спираль, но не линией, а какими-то символами. Создавалось впечатление, что кто-то, нарушая правила, помогал Леше, который должен был делать выбор сам. Возникал только вопрос – желает ли этот кто-то ему добра или нет?

В животе заурчало, и Леша, остановившись на мысли, что всегда можно будет вернуться обратно к мерцающему свету, вошел в отмеченный знаком коридор, но едва сделал три шага, как упал, схватившись за спазмирующий живот.

Леша посмотрел на него и увидел, как тот раздувается. Руки сами, непроизвольно, держали живот, давили на него, чтоб он перестал увеличиваться, чтобы стал прежним, но это не помогало. Живот рос, кожа натягивалась до предела...

Неожиданно в мозгу вспыхнуло, что нужно вспомнить что-то приятное.

Из всех воспоминаний в голову пришли шашлыки. Почти вся группа на даче у Лены, на шашлыках, *они уже все приняли понемногу, и всем весело. Авсеев наяривает на гитаре; Олег и Степа травят анекдоты; Стас все время у костра, подкидывает дрова, труженик какой; Рома, Петя и Саша объедают черешню; эти чешут языком о том, как прошла сессия; Антон разглядывает какую-то ромашку, знатный ботаник; остальные пошли за водой; а он сам слушает анекдоты, поглядывая на Аню, сидящую в беседке вместе с Леной, Олей и Наташей.*

Тем временем кожа на животе продолжала натягиваться и лопнула. Леша почти ничего не почувствовал, он сосредоточился на своем воспоминании. Что-то изнутри прорывалось наружу. Разорвав мышцы пресса, наружу высунулась безглазая уродливая морда и принялась ощупывать окружающий мир своим раздвоенным языком. Удовлетворившись, видимо, качеством окружающей среды, чудовище раздвинуло четырьмя лапами проделанное бесчисленными зубами отверстие и вылезло. Из Лешки текла кровь и зеленая слизь, но боли не было, как и страха. Однако удерживать концентрацию на приятных воспоминаниях было все труднее, и не столько из-за разорванного живота, сколько от вида монстра.

«Ошибка природы» было бы самое подходящее название для этого существа размером с собаку, но Леша уже знал название этой твари. Уродливое создание о двух туловищах и одной голове изгибалось, проверяя, как работают конечности. Голова свободно вертелась на все триста шестьдесят градусов, одно из туловищ начало залезать на стену коридора, наверное, на пальцах, кроме когтей, были еще и присоски.

Перед Лешей во всей своей красе предстал двухпузый речиглов.

Картина шашлыков уходила, но пока боль не достала его сознания, Леша вспомнил, что он знает название этого уродца от человека в котелке, который носит усы и зовут его... Нейри Грин!

Когда он вспомнил это, боль накатила полной мощью, Леша согнулся пополам и потерял сознание.

– Очнитесь, очнитесь, монами! – Леша открыл глаза и увидел склоняющегося над ним Нейри. На голове его не было котелка, и выглядел он очень больным. – Что Вы наделали! Вы даже не представляете, что Вы наделали!

Грин сжимал в руке статуэтку двухпузого речиглова и тяжело дышал. Вокруг не было пещеры. Вокруг был продуктовый магазин. Нейри взял за руку Лешу и сказал:

– Ты должен помнить!.. Помни о свободе, слышишь?! Свобода! Свобода!.. Либэртас... – это был первый раз, когда Грин сказал Леше «ты». И последний. Нейри выпустил Лешину руку, схватился за сердце, бесшумно упал и – Леша это сразу понял – умер.

Леша с ужасом смотрел на мертвого Грина и не знал, что делать. Он стоял и смотрел на распростертое тело, пока не понял, что это тело – его. Это он лежит на полу, возле ступенек.

Вокруг не магазин, какое-то другое здание. Рядом столпились люди, беспокойно показывают на его тело, кричат. Леша слышит их крики плохо, отдаленное эхо доносит обрывки фраз: «...скорую... инсульт... глупости... тырного спирта... опуск... жаль его... же упаси...»

Леша, задыхаясь от волнения, подошел к своему телу, упал на колени и, не удерживая слез, закричал:

– Леша, очнись! Очнись, слышишь?! – Он дает пощечины своему лицу, а его крики доходят до его слуха только через секунды. Женские крики.

Но его это не удивляет. Он продолжает кричать, бить лицо, трогать, гладить. Кто-то взял его за плечо, хочет отодвинуть, но он выдернулся из этой хватки, он никуда не уйдет. Боже, нет! Леша, очнись, очнись, пожалуйста!

Леша почувствовал тяжесть своих рук и стук в виске. Он вздохнул и услышал гомон окружавших его людей, почувствовал соленый вкус во рту и открыл глаза. Над ним склонилась Аня, она держала его лицо в своих руках, она со слезами на глазах улыбалась ему. До чего же она прекрасна!

– Ну что я говорил. Какая там скорая! Эти студенты живучи, как тараканы. И нашатырный спирт не понадобился, – авторитетно подвел итог преподаватель электротехники, Дмитрий Александрович, и удалился.

Леша Дугин своей ладонью накрыл Анину и улыбнулся.

Он приподнялся на руках, из носа потекла кровь. Аня заботливо достала платок, вытерла, приложила к носу.

Небольшая группа людей, собравшаяся поглазеть, рассасывалась. Скоро рядом остались стоять только Петя, Антон, Олег и Лена.

– Елы-палы, Дугин! Ну ты, блин, заставил нас попереживать! – облегченно высказался Олег. Но Леша ничего не отвечал. Он держал платок и смотрел Ане в глаза.

Он дышал часто. Аня тоже.

– Может, тебе лучше пойти домой? – спросила Аня.

– Нет, я в порядке, – он осмотрелся. Это был его институт. Они находились рядом со столовой. Он повторил, – я в порядке.

Рядом лежала пластинка с таблетками. Дугин поднял ее:

– Спасибо, мне уже не надо, – он встал на ноги, пристально рассмотрел своих друзей, как будто не видел их всего лишь пять минут назад, – Пойдемте в столовую.

– Идем, – хором ответили братья.

– А как же экзамен. Ты же должен... – начала Лена.

– К черту экзамены, – ответил Леша.

– Не чертыхайся, Леша! Дочертыхался уже! Тебя что, жизнь совсем не учит?! – Лена надулась.

– Лен, он только что потерял сознание. Оставь человека в покое, – спокойно и мягко сказала Аня, обняв Лешу за талию. Они вдвоем поднялись по ступенькам и вошли в столовую.

– Тьфу ты! То же мне, – сказал Антон. – Я с ней хотел потанцевать на восьмое марта, а она – у меня парень, уже больше года, верность важнее, и все такое. Большое дело – потанцевать! При чем тут парень? Что, Лена, бросил он ее уже, что ли?

– Да нет. Это она его только что бросила, – сказала Лена, поднимаясь по ступенькам, – хотя, это так, прогноз, так сказать.

Компания села за столик в конце столовой. Леше все вокруг казалось новым, и он не понимал почему. Затем ему будто бы что-то привиделось, он встал и со счастьем в душе продекламировал:

– Хорошо-то как, хорошо-то как жить в стране, где человек становится продавцом только после торгового техникума!

Друзья ошарашено смотрели на Дугина, он сел, они начали переглядываться. Аня потрогала его лоб:

– Все в порядке, Леша?

– Все в порядке. Все в порядке вещей, – Леша сам не понимал, почему на душе так легко. Он обнял Аню и чмокнул ее в щеку.

Виктор 78
г. Николаев, 2008